

ЧАСТЬ II. МОНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1. Конец XIX в. – 1929 г.

В Сибири советское государство унаследовало динамично развивающееся сельское хозяйство. Сооружение Транссибирской магистрали позволило увеличить масштабы крестьянского переселения и наладить вывоз сельхозпродукции из региона. Посевные площади в крае с 1897 по 1914 г. увеличились в 3,5 раза¹. Большую их часть занимали зерновые культуры, в структуре производства которых преобладала пшеница. Урожайность за счет введения в оборот целины была относительно высокой, но не стабильной.

Еще более быстрыми темпами, чем зерновое хозяйство, развивалось производство животного масла, 80–85% которого вывозилось за границу. В 1894 г. из Сибири вывезли 400 пудов масла, а в 1906 г. – 3 млн, в 1913 г. – 5,7 млн пудов. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла 16% мирового экспорта данного продукта и 60% российского². Высокий уровень товарности молочного животноводства обеспечивали зажиточные (многокоровные) крестьянские хозяйства, объединенные в кооперацию.

Первая мировая война не сразу остановила поступательное движение сибирского сельского хозяйства. Постоянно растущий спрос на хлебопродукты стимулировал развитие зернового производства. Нарращивание посевов зерновых в регионе продолжалось до 1919 г. включительно. Прекращение экспорта животного масла, напротив, вызвало снижение его производства. Тем не менее, рост численности скота в Сибири продолжался вплоть до 1916 г., и лишь в 1917 г. началось сокращение поголовья. В 1919 и начале 1920 г. темпы сброса стада выросли. В 1920 г. уменьшились посевные площади³.

Наметившаяся к весне 1920 г. умеренная рецессия сельского хозяйства осенью перешла в стадию полномасштабного кризиса. Площадь посева в регионе в 1921 г. снизилась на 19%, в 1922 г. – еще на 25% и составила 61% от уровня 1920 г. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур – пшеницы и овса, сократившиеся на 49 и 62%. Площади, занятые имеющей преимущественно потребительский характер рожью, уменьшились всего на 3%, а просом – увеличились более чем в 10 раз⁴.

Сокращение поголовья скота в сибирской деревне за 1920–1922 гг. составило по крупному рогатому скоту (КРС) 17%, по коровам – 25, по лошадям – 13, по овцам – 10, по свиньям – 50%. Общее снижение поголовья КРС по сравнению с максимальным дореволюционным показателем 1916 г. составило 37,5%, по дойному стаду – 36,3%⁵. На 1922 г.

пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. За сезон маслозаводами региона было произведено всего 500 тыс. пудов товарной продукции, за его пределы вывезено 395 тыс. пудов, что соответственно составляло 14 и 9% от уровня 1913 г. (в территориальных рамках Сибирского края)⁶.

Видимой причиной сельскохозяйственного кризиса стали следующие друг за другом сильные неурожаи зерновых и трав 1920 и 1921 гг. Сбор зерна резко упал⁷. Нехватка кормов вызвала сильную бескормицу и соответствующий падеж и забой скота. Следует также учитывать изношенность не пополняемого в годы Гражданской войны сельхозинвентаря. Однако глубина падения сельского хозяйства определялась политикой большевистского режима. С введением имеющей реквизиционный характер разверстки крестьяне потеряли всякий стимул к товарному хозяйству и стали сокращать производство сельхозпродукции до потребительских норм, приводя в соответствие с ним размеры и структуру посева, а также количество скота в своих хозяйствах.

Не принес облегчения сибирскому крестьянству и первый продналог. В условиях катастрофического неурожая в Поволжье и связанного с ним голода Сибирь получила завышенное налоговое задание. Ставки продналога по хлебопродуктам (20% от валового сбора по региону в целом и 31% – по Алтайской губернии) значительно превосходили средние ставки по стране (10–11% от валового сбора). На Алтае размер налога достигал 96% от фактически выполненной разверстки, по Сибири – 69%⁸. При этом следует иметь в виду, что по разверстке изымался не только хлеб урожая 1920 г., но и значительные его запасы, образовавшиеся у крестьян за годы Гражданской войны, а по натуральному налогу – только то зерно, которое было собрано осенью 1921 г. Причем взимался налог не менее драконовскими методами, чем продразверстка. Сверхнормативное изъятие зерна привело не только к дефициту продовольствия, но и нехватке семян.

С 1923 г. началось восстановление сельского хозяйства региона на базе нэпа. Приращению посевных площадей способствовало уменьшение и упорядочение налогообложения, увеличение семенной помощи крестьянству. В 1924 г. возобновилось регулярное снабжение деревни сельхозинвентарем и машинами, расширилось ее землеустроительное, агрономическое и зооветеринарное обслуживание, существенно возросло кредитование селян. Восстанавливалась и развивалась сельскохозяйственная кооперация. Налагоживалось товароснабжение деревни через постоянно растущую сеть сельских потребительских обществ.

В 1925 г. в ходе практического осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне» был проведен ряд дополнительных мероприятий, отвечающих интересам крестьянства. С целью стимулирования роста товарно-

сти крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Принимались меры по либерализации аграрного рынка. Отменялись широко практиковавшиеся на местах ограничения на частную торговлю в деревне. Сумма взысканного в сибирской деревне в 1925/26 окладном году сельхозналога была в 1,5 раза меньше, чем в предыдущем⁹.

За 1923–1927 гг. посевные площади в Сибирском крае выросли в 1,7 раза, число овец увеличилось в 2,4 раза, КРС – на 74%, коров – на 55, лошадей – на 13%. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства в 1927/28 хозяйственном году превышал уровень 1923/24 г. в 2,4 раза, товарной продукции – в 2,6 раза. Выросла обеспеченность сельхозинвентарем. В 1928 г. по сравнению с 1917 г. сенокосилок в сибирской деревне было больше на 84%, жнеек – на 61, сеялок – на 119, плугов и буккеров – на 57%, а сох, косуль и сабанов – на 71% меньше¹⁰.

Опережающими темпами развивалось зерновое хозяйство. При этом наиболее быстро росло производство пшеницы. В 1927 г. площадь посева зерновых в Сибирском крае составляла 104% от уровня 1920 г., площадь, занятая пшеницей, – 113%. Удельный вес пшеницы в общей посевной площади в 1927 г. достиг 53%. Валовой сбор хлебов в 1926/27 г. превышал показатели 1913 г. в 1,3 раза, 1920 – в 1,6 раза¹¹. Более медленно восстанавливалось промышленное маслоделие. В 1926/27 г. валовое производство животного масла на территории Сибирского края составляло 84%, товарное производство – 62, вывоз за пределы региона – 55, экспорт – 40% от уровня 1913 г.¹²

Развитие отрасли сдерживалось кормовой проблемой, возникшей в связи с массовой распашкой пастбищ и сенокосов. Не стимулировал ее развитие уровень закупочных цен, установленный монополизировавшим рынок государством. Но главная причина недостаточных темпов развития маслоделия заключалась в низкой товарности крестьянских хозяйств. Расширению их размеров препятствовал применяемый большевистским режимом экономический и политический прессинг по отношению к более зажиточным жителям деревни. В итоге численность и удельный вес зажиточных, а следовательно, более товарных крестьянских хозяйств в Сибири по сравнению с дореволюционным периодом существенно снизились, а основными производителями молока и членами маслоартелей стали малокоровные хозяйства, в значительной степени ориентирующиеся на личное потребление¹³.

Низкая товарность крестьянских хозяйств сказывалась и на показателях зерноводства. В Сибири уровень его товарности по сравнению с довоенным периодом практически не изменился¹⁴, а увеличение валовых сборов обеспечили рост посевных площадей и серия относительно высоких урожаев. В целом же по стране во второй половине 1920-х гг.

товарность зернового хозяйства была меньше, чем в предвоенные годы¹⁵. Экспорт хлеба из СССР даже в лучшие годы едва достигал четвертой части от его дореволюционных размеров¹⁶.

Увеличение товарности сельскохозяйственного производства было возможно путем всемерного содействия росту хозяйственной самостоятельности крестьянства. Однако в конце 1920-х гг. нажим на зажиточные слои деревни еще более усилился. Был введен запрет их кредитования и машиноснабжения. Ужесточились правила найма рабочей силы и аренды земли. Началось принудительное лишение «кулаков» земельных наделов за систематическое использование найма, сокращение посевов, антисоветскую агитацию.

Жесткие антикулацкие меры применялись в рамках хлебозаготовительной политики. Небольшое снижение производства зерновых в 1927/28 г. в сочетании с новым волонтаризмом вызвало в Сибири и стране в целом острый хлебозаготовительный кризис. Крестьяне, недовольные не соответствующим конъюнктуре низким уровнем закупочных цен, минимизировали реализацию выращенного ими зерна. Приехавший в начале 1928 г. в Сибирь И.В. Сталин возложил вину за заготовительный кризис на кулачество и дал санкцию на переход к чрезвычайным методам изъятия хлеба¹⁷. Отказ от продажи государству и хранение зерна сверх установленных потребительских норм признавались спекуляцией и карались в соответствии с нормами уголовного права (107 ст. УК РСФСР). Тем самым на практике был дезавуирован базовый принцип нэпа, в соответствии с которым крестьянин имел право свободного распоряжения произведенной продукцией.

Весной 1929 г. государство фактически восстановило продразверстку, названную на сей раз «урало-сибирским методом». В соответствии с принципами организации хлебосдачи по данному методу решение о взятии селом обязательств по выполнению разверстанного на него заготовительного задания принималось на общем собрании жителей, имеющих избирательные права, простым большинством голосов («бедняцко-средняцкое большинство»), после чего избранная там же комиссия содействия хлебозаготовкам определяла объемы зерна, обязательные для сдачи зажиточными хозяйствами. При этом разверстываемые на них задания, получившие название «твердых», должны были равняться всем выявленным в этих хозяйствах «товарным излишкам» и в совокупности составлять большую часть поселенного плана (от 60% и более). Оставшаяся часть плана распределялась между остальными селянами (прежде всего середняками) «в порядке самообязательства». Проведенная таким образом подворная раскладка утверждалась сначала «бедняцко-средняцким большинством» сельского схода, а затем сельсоветом,

приобретая тем самым официальный статус задания, имеющего *«общегосударственное значение»*. А неисполнение *«общегосударственных заданий»* преследовалось по ст. 61 УК РСФСР: от налагаемого в административном порядке штрафа, кратного размеру невыполненного задания (как правило, пятикратного), до тюремного заключения и даже выселения с постоянного места жительства в случае группового отказа или *«активного сопротивления органам власти»*¹⁸. В конце 1929 – 1930 г. аналогичный порядок стал применяться при заготовке других видов сельхозпродукции, в лесоразработках. До каждой деревни также «доводились» обязательные посевные планы, которые затем разверстывались на ее жителей в форме «твердых заданий» и «самообязательств».

Параллельно с «урало-сибирским методом» происходило становление контрактационной системы. В СССР контрактация технических культур применялась с 1922 г. и представляла собой добровольный и взаимовыгодный договор между заготовителем (промышленным предприятием или кооперативным объединением) и производителем (единоличным хозяйством или колхозом), в соответствии с которым производитель брал на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывался проавансировать будущие закупки продукции или предоставить в кредит материально-финансовые ресурсы, необходимые для ее производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги, денежные ссуды и т.п.). В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к массовой контрактации всех видов сельскохозяйственной продукции, в т.ч. зерновых. В 1928 г. в Сибирском крае законтрактовали 4% от общей площади посева зерновых и 18% технических культур, в 1929 г. – соответственно 23,5 и 40%¹⁹.

В 1929 г. порядок контрактации претерпел существенные изменения. В качестве ее контрагентов могли выступать только кооперативы, колхозы и земельные общества. *«Для облегчения борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления мероприятиям по социалистической реконструкции сельского хозяйства»* контрактационные договоры с земобществами должны были утверждаться на общем собрании их членов «бедняцко-средняцким большинством». Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, *«учитывая мощность их хозяйств»*. Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполняющие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Кроме того, наряду с авансовой вводилась безавансовая контрактация и ставилась задача «постепенного устранения» денежного авансирования контрактантов. Таким образом, контрактация превращалась в разновидность разверстки и приобретала характер натуральной подати²⁰.

В конце 1920-х гг. резко возросло налогообложение зажиточных крестьян. В 1928/29 окладном году были введены надбавки к единому сельскохозяйственному налогу (ЕСХН) на зажиточные середняцкие хозяйства (до 25%) и осуществлен переход к т.н. индивидуальному обложению «кулаков», которое предполагало внесение в налогооблагаемую базу всех зафиксированных заработков²¹ и более крутую прогрессивно-подходящую шкалу исчисления налога. Индивидуальное обложение приводило к существенному возрастанию податного бремени для хозяйств, к которым оно применялось. Если на один крестьянский двор, облагаемый в обычном порядке, в 1928/29 г. в Сибирском крае в среднем приходилось 27 руб. сельхозналога, то на облагаемый индивидуально – 287 руб. Это в три раза превышало сумму, взысканную с этих же хозяйств в предыдущем году²².

Затягивая фискальную петлю на кулаках, большевистский режим в начале 1929 г. публично заявил о своем стремлении снизить уровень обложения сельхозналогом бедняцких и середняцких хозяйств. Данное обещание было выполнено. В Сибирском крае общая сумма платежей по ЕСХН в 1929/30 окладном году снизилась по сравнению с предыдущим годом на четверть²³. Однако уменьшив размеры базового налога, большевистский режим компенсировал свои потери за счет других бюджетных и внебюджетных платежей²⁴. Так, с 35 до 50% оклада сельхозналога повысились предельные размеры самообложения²⁵. Значительно увеличивались членские и целевые взносы в фонды кресткомов, паевые и вступительные взносы в кооперацию. В разновидность денежного налога превратились формально остающиеся добровольными государственные займы, покупать облигации которых была вынуждена и освобожденная от других налогов и сборов беднота. В итоге сумма основных платежей (сельхозналога, самообложения, обязательного окладного страхования, паевых взносов в кооперацию и госзаймов), предъявленных сельскому населению Сибирского края, выросла в 1929/30 г. по сравнению с предыдущим годом почти на треть²⁶.

Отрицательные последствия радикального изменения аграрной политики советского государства в конце 1920-х гг. в Сибири проявились не сразу. В 1928 и 1929 г. властям удалось добиться повышения посевных площадей. За 2 года их прирост составил 21%. Симптомом неблагополучия в зерновом хозяйстве стал начавшийся рост пашни, занятой потребительскими культурами – рожью и крупяными. Посевы проса с 1927 по 1929 г. выросли в 3 раза²⁷. Нарращивание производства продукции растениеводства обеспечивали бедняцкие и середняцкие слои деревни, кредитование и машиноснабжение которых существенно расширились. Зажиточные же крестьяне размеры своих хозяйств начали сокращать²⁸.

Состояние животноводства начало ухудшаться уже в 1928 г. Несмотря на увеличение числа коров, производство животного масла в 1927/28 заготовительном году впервые с 1923 г. снизилось. Его заготовили на 4% меньше, чем в предыдущем году²⁹. Зимой начался сверхнормативный сброс стада. К весне 1929 г. поголовье КРС в Сибирском крае сократилось на 7,6%, коров – на 6,9, свиней – на 4,1, лошадей – на 1,1%. Исключение составили лишь овцы, давшие незначительный прирост (+1,5%)³⁰. Летом 1929 г. численность скота стала снижаться во всех категориях крестьянских хозяйств. В сентябре 1929 г. овец в Сибири стало меньше на 40,1%, свиней – на 21,7, КРС – на 22,3, коров – на 16,9, лошадей – на 5,7%, чем в марте того же года (табл. 1).

Снижению масштабов сверхнормативного забоя должна была способствовать контрактация скота на мясо. В договорах по этому поводу особо оговаривалось обязательство владельцев сохранить («передержать») животных в течение определенного срока. Сельсоветам надлежало регистрировать законтрактованный скот, а также контролировать его сохранность и соответствующее содержание. Преждевременный убой наказывался денежной неустойкой. Однако с помощью подобной меры исправить ситуацию не удалось. В конце 1929 г. забой крестьянами скота резко возрос.

Таблица 1

Динамика поголовья скота в Сибирском крае с мая 1929 по март 1930 г.
(тыс. голов)

	Лошади	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы	Свиньи
Май 1929 г.	4126,0	6303,1	2911,3	12406,8	2454,2
Октябрь 1929 г.	3890,8	4897,5	2422,2	7431,7	1921,6
Март 1930 г.	3078,0	3977,3	2174,7	7034,7	709,3

Источник: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4095. Л. 121.

Замедление темпов развития крестьянского хозяйства подрывало возможность осуществления принятой лидерами Коммунистической партии программы ускоренной индустриализации страны, в рамках которой крестьянству отводилась роль основного источника материальных и людских ресурсов. В связи с этим большевистский режим принимает решение перейти к массовой коллективизации. Коллективизация, т.е. ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств и их объединение в производственные кооперативы, по мнению марксистских теоретиков, позволяла широко внедрить в сельское хозяйство новейшие тех-

нические достижения (прежде всего трактора и зерноуборочные комбайны), превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность и товарность.

Курс на производственное кооперирование сельского хозяйства был принят еще на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. На 1 октября 1927 г. в Сибири насчитывалось 484 сельхозартели и коммуны, в них входило 0,5% крестьянских дворов. Через два года количество коллективных хозяйства данного типа выросло до 1590, а удельный вес входящих в них дворов – до 3,9%. На 1 октября 1929 г. в колхозы всех типов, включая товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) и товарищества по совместному содержанию животных (ТОЖи), входило 6,7% крестьянских хозяйств края. Увеличились размеры колхозов. С 1928 по 1929 г. число дворов в среднем на колхоз возросло с 12,7 до 20,5, посева – с 74,8 до 176 га, рабочих лошадей – с 6,7 до 17, коров – с 6,7 до 13,4 голов³¹. Роль колхозов в сельскохозяйственном производстве в конце 1920-х гг. повышалась, но в целом оставалась незначительной. Летом 1929 г. их доля в общей площади посева составляла 5,8%, в поголовье лошадей – 1,7%, КРС – 1,3, коров и овец – 1,4, свиней – 1,0%. Удельный вес совхозов был еще меньше. В 1929 г. них было сосредоточено 0,8% посевных площадей и до 0,1% поголовья скота. И лишь в количестве овец доля совхозов, за счет 5 крупных хозяйств, входящих в трест «Овцевод», достигла 1,2%³².

Достигнутые к осени 1929 г. результаты колхозного строительства не удовлетворяли руководителей советского государства. Ноябрьский пленум (1929 г.) ЦК ВКП(б) дал директиву о развертывании «сплошной коллективизации». Была поставлена задача строительства преимущественно крупных колхозов. Предусмотренный в общегосударственных и региональных планах уровень коллективизации деревни постоянно корректировался в сторону повышения. В разработанном в Госплане СССР первом пятилетнем плане (1928/29–1932/33 гг.) в Сибирском крае предполагалось к 1 октября 1933 г. объединить в колхозы 14,5% крестьянских хозяйств³³. Проходивший в начале ноября 1929 г. пленум Сибкрайкома ВКП(б), рассматривая вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства Сибири, поставил задачу вовлечь в коллективные хозяйства к концу планового периода «не менее 40%» сельского населения (в т.ч. за 1929/30 хозяйственный год – 8,3%). 3 декабря 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) решило довести процент коллективизации к концу 1932/33 г. до 85% (в т.ч. за 1929/30 г. – «не менее, чем до 22%»). 15 декабря 1929 г. бюро крайкома приняло постановление, предусматривающее в 1929/30 г. в среднем по краю охватить колхозами 29,6% «всего сельского населения»³⁴. Помимо краевых, принимались окружные и районные планы, нередко содержащие более высокие пока-

затели. В рамках округов выделялись районы, в которых коллективизация должна была завершиться раньше, чем в округе в целом. Подготовленный в начале 1930 г. окончательный вариант Пятилетнего плана, а также Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края исходили из того, что коллективизация в основном завершится уже в 1932/33 г. («К концу пятилетия индивидуальный сектор в основном сходит с хозяйственной арены»)³⁵.

Организационно-производственная структура будущего сельского хозяйства региона мыслилась как система агро-индустриальных комбинатов (АИКов), которые представляли собой объединение хозяйственных ячеек в виде колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и иной инфраструктурой. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился. Всего на территории края предполагалось создать 173 АИКа³⁶.

Производственная коллективизация и последующее за ней объединение колхозов, совхозов и перерабатывающих предприятий в единые производственные комплексы рассматривалось как гарантия ускоренного развития сельского хозяйства. В Генеральном плане намечалось к концу 1930-х гг. увеличить посевные площади в 3,9 раза, поголовье КРС – в 3,3 раза, валовое производство зерновых, животного масла и льна – соответственно в 3,5, 15,0 и 12,4 раза.

---

¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303.

² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967. С. 162.

³ См.: Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Новосибирск, 2008. С. 86–88, 93–94.

⁴ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 8–10, 24–26, 36–38.

⁵ Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 1. С. 58, 60.

⁶ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 61.

⁷ Валовые сборы зерновых в регионе в 1921 г. сократились до 179 млн пудов, а в 1922 г. – до 153 млн пудов и составили 73 и 62% к уровню 1920 г., а к уровню 1917 г. – 60 и 51% (Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 273; Сборник статических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 124.)

⁸ Жизнь Сибири. 1922. № 1. С. 10; Хенкин Е.М. Первая продналоговая кампания в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 116.

⁹ Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // *Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890–1920-е гг.* Новосибирск, 2004. С. 178.

¹⁰ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. *Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.* Новосибирск, 2007. С. 144, 154, 158, 165; *Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926–1927 г.)*. Новосибирск, 1926. С. 119; *Жизнь Сибири. 1929. № 7–8. Приложение. С. V–VI*; Гушин Н.Я. *Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.)*. Новосибирск, 1973. С. 243.

¹¹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. *Сельское хозяйство Сибири...* С. 144, 154, 155; Ильиных В.А. *Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка...* С. 273.

¹² Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. С. 78.

¹³ В 1916 г. к товарным (по молоку) относилось 43,1% крестьянских дворов Юго-Западной Сибири (3 и более коров на хозяйство), к полутоварным (2 коровы) – 21,7, к преимущественно потребительским (1 корова) – 26,0%; в 1928 г. – 29,9, 30,1 и 34,1% соответственно (Ильиных В.А. *Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка...* С. 259).

¹⁴ Товарность зернового производства в крестьянских хозяйствах региона в 1928 г., который отличался высоким уровнем отчуждения хлеба, составила 26% (Гушин Н.Я. *Сибирская деревня на пути к социализму. С. 105*). По подсчетам Л.М. Горюшкина, товарность зерна в Западной Сибири в 1913–1915 гг. составляла примерно 26%, повышаясь в высокоурожайные годы и понижаясь в неурожайные (Горюшкин Л.М. *Сибирское крестьянство...* С. 147).

¹⁵ Товарная продукция зерновых в целом по стране снизилась с 16,7 млн т (25,5% к валовому сбору) в 1909–1913 гг. до 15–16 млн т в 1925/26–1928/29 гг. (19–21% от валового сбора) (Мошков Ю.А. *Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.)*. М., 1966. С. 23).

¹⁶ См.: Ильиных В.А. *Коммерция на хлебном фронте. (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.)*. Новосибирск, 1992. С. 219.

¹⁷ Ильиных В.А. *Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири)*. М., 2010. С. 131–134, 145.

¹⁸ См.: Он же. *Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.*

¹⁹ Ильиных В.А. *Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг.* Новосибирск, 2004. С. 84.

²⁰ Там же.

²¹ В 1926/27–1927/28 гг. облагаемый единым сельскохозяйственным налогом годовой доход крестьянских хозяйств рассчитывался по нормам вмененной доходности отдельных объектов обложения (посевов различных культур, крупного рогатого и мелкого скота). Считалось, что эти суммы ниже реального дохода,

---

получаемого от них. Кроме того, в налогооблагаемую базу входила фиксированная доля полученных крестьянами заработков от кустарно-ремесленных или иных неземледельческих занятий. С 1928/29 г. в облагаемую базу хозяйств, *«особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и притом нетрудовым характером своих доходов»*, стали включаться все зафиксированные заработки. Налог от всей совокупности доходов получил название индивидуального обложения.

В положении о сельхозналоге на 1929/30 г. определялся перечень признаков отнесения крестьянских дворов к категории кулацких. Совнаркомы союзных и автономных республик, край- и облизполкомы получали право вносить в этот перечень изменения, адаптируя его к местным условиям. Дворы, причисленные в разряд кулацких, лишались права на налоговые льготы, предоставляемые середнякам и беднякам. Для них устанавливались более сжатые сроки уплаты налога. Просрочка внесения налогового платежа должна была караться немедленной описью и продажей имущества. При этом перечень видов имущества, которое не могло изыматься в покрытие недоимок, практически был сведен на нет. (Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 11, 15, 16, 18–19).

²² Он же. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 15.

²³ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1517. Л. 63.

²⁴ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 19.

²⁵ Самообложение – одна из форм денежного налогообложения сельских жителей. В середине 1920-х гг. законодательство допускало только добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов, предназначенное для реализации их насущных, но не финансируемых государством нужд. С начала 1928 г. принятое на сходе решение о самообложении стало обязательным для всех жителей населенного пункта. Неуплата преследовалась по налоговому законодательству. Размеры сбора для каждого плательщика привязывались к размерам сельхозналога (см. Ильиных В.А. «Самообложение» сибирской деревни в 1928 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 79–80).

²⁶ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 20.

²⁷ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 154.

²⁸ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 57, 58.

²⁹ Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 279.

³⁰ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 302–303.

³¹ Гуштин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 219, 220, 222, 281.

³² Сибирский край. С. 169; Животноводство СССР. М., 1930. С. 152–153; Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 1. С. 76. В 1929 г. в Сибирском крае насчитывалось 29 т.н. трестированных совхозов, т.е. входящих в специализированные тресты «Овцевод», «Госсельтрест», «Зернотрест» и «Сахаротрест»,

---

3 совхоза, подведомственных НКЗ РСФСР, и 45 хозяйств, принадлежавших государственным организациям и учреждениям.

³³ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. III. С. 260.

³⁴ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1929. № 21–22. С. 11, 16, 18; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 39. Л. 78–79, 93.

³⁵ Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края. Новосибирск, 1930. С. 3.

³⁶ Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А. и др. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). Новосибирск, 2002. С. 262, 263.

2. 1930 г.

Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики рассматривали коллективизацию в качестве неременного условия построения социализма в стране. Однако до конца 1920-х гг. решение данной задачи отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства страны. Но, поскольку мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации, эта точка зрения была пересмотрена. XV съезд ВКП(б) поставил задачу расширения масштабов колхозного строительства. Ноябрьский пленум (1929 г.) ЦК компартии дал директиву значительно ускорить его темпы.

От массового колхозного строительства ожидали немедленного экономического эффекта. Принятые ноябрьским (1929 г.) пленумом Сибкрайкома ВКП(б) контрольные цифры расширения посевных площадей в 1930 г. составляли 17,4% (по обобществленному сектору – 193%, по единоличному – 4,4%), прироста поголовья крупного рогатого скота – 8, свиней – 10%¹. Обеспечить поступательное движение сельского хозяйства должно было увеличивающееся машино- и трактороснабжение коллективного сектора экономики. В регионе создавались машинно-тракторные станции (МТС). При этом значительная часть расходов на их строительство и приобретение тракторов возлагалась на самих крестьян.

В начале 1930 г. сталинское руководство принимает решение форсировать темпы колхозного строительства. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» предусматривало завершить коллективизацию в основном в главных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) «осенью 1930 г. или во всяком случае вес-

ной 1931 г.», а в других зерновых районах, включая Сибирь, – осенью 1931 – весной 1932 г.²

Темпы коллективизации начали нарастать: если в конце декабря 1929 г. ее уровень в Сибири составлял 7%, то к 20 января 1930 г. достиг 10,6, к 1 февраля – 19,1%³. В регионах, с одобрения Центра, данный процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года⁴. Начался процесс фактически насильственного объединения крестьян в колхозы. На 10 февраля 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 31,8% крестьянских хозяйств, на 20 февраля – 42,3, на 10 марта – 52,9%. Число колхозов в крае с 20 января по 10 марта выросло с 3970 до 8548. В отдельных районах Сибири уровень коллективизации значительно превосходил средние показатели по краю: в Бийском округе он составлял 71,9%, в Барабинском – 75,5, в Ойротии – 85,9%⁵. В Бийской окружной газете «Звезда Алтая» за 4 марта был выдвинут лозунг завершения коллективизации «в несколько дней»⁶.

Форсировались не только темпы колхозного строительства, но и степень «обобществления» крестьянского имущества. «Высшей» формой коллективного хозяйства провозглашались коммуны. В коммуны крестьяне должны были сдавать все средства производства и труда, вплоть до домашней птицы. На максимальное «обобществление» ориентировали не только коммуны, но и сельхозартели. Создавались колхозы-гиганты, в которые входили десятки селений, разбросанных на огромной территории, с количеством дворов, исчисляемых тысячами. В Маслянинском районе Новосибирского округа коммуны стали единственной формой колхозного строительства. В 54 коммуны, созданные к 10 марта 1930 г., «записалось» примерно 92% бедняцких и середняцких дворов. Была организована гигантская льноводческая коммуна «Сибирский долгунец», объединявшая 5 сельсоветов и свыше 2 тыс. хозяйств. В начале марта 43% колхозов Сибирского края являлись коммунами, 39% – артелями. В Кузнецком округе по данным на 1 апреля доля коммун составляла 80%, Каменском – 69,6, Рубцовском – 65,3, Барнаульском – 61,4%. Число дворов, в среднем приходящихся на один колхоз, увеличилось с 39,3 на 20 января до 91,4 на 10 марта⁷.

Составной частью коллективизации и одним из основных средств ее осуществления была насильственная экспроприация хозяйств, отнесенных к кулацким, – раскулачивание. Теоретически раскулачивание обосновывалось необходимостью ликвидации последнего буржуазного класса в СССР. Однако т.н. кулачество сельской буржуазией не являлось. Зажиточные крестьяне, которых традиционно квалифицировали как кулаков, ни в начале XX в., ни тем более в годы нэпа все еще не

обособились от крестьянства, а продолжали оставаться его особым социально-имущественным слоем и в Сибири, и в России в целом. При этом принадлежность к кулачеству (зажиточность) являлась одним из имманентно присущих крестьянскому семейному дворохозяйству этапов его социального саморазвития, детерминированного изменения в размере и составе крестьянской семьи. Так, молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства часто приводило к его превращению в зажиточное (кулацкое). Раздел означал появление новых, относительно менее состоятельных дворов.

Кроме того, к концу 1929 г. усиленное налогообложение зажиточной части деревни и заготовительная политика государства привели к тому, что абсолютное большинство дворов, ранее отнесенных к кулацким, либо самостоятельно сократило свои размеры (самораскулачилось), либо разорилось, либо было репрессировано. В итоге к началу 1930 г. кулачество как социально-имущественная группа деревни свое существование фактически прекратило⁸. Насильственная экспроприация одной части деревни понадобилась для того, чтобы заставить другую ее часть под страхом применения к ней подобных мер пойти в колхозы. Рассчитывали власти и на кулацкое имущество как средство укрепления материальной базы создаваемых колхозов.

Впервые курс на «ликвидацию кулачества как класса» был обоснован И.В. Сталиным в докладе на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.⁹, а затем как партийная директива закреплен в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. Развернутая программа по осуществлению раскулачивания содержалась в секретном постановлении ЦК от 30 января 1930 г.¹⁰ На его основе ЦИК и СНК СССР 1 февраля приняли публичное постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»¹¹. Кулаки подразделялись на 3 категории. К 1-й отнесли *«контрреволюционный кулацкий актив»*. Они подлежали *«немедленной ликвидации»* – аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы. Категория 2-я – *«наиболее богатые кулаки, бывшие помещики и полупомещики, местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется кулацкий актив, кулацкий антисоветский актив церковников и сектантов»* – вместе с семьями выселялась в отдаленные северные районы СССР. Кулаков 3-й категории, признанных *«лояльными по отношению к советской власти»*, первоначально предполагалось расселять в пределах своих административных районов на специально отведенных землях. Вне

зависимости от категории, принадлежавшие кулацким хозяйствам средства производства (земля, скот, сельхозинвентарь), жилье, запасы продовольствия безвозмездно конфисковывались и передавались в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Доля крестьянских хозяйств, подлежащих раскулачиванию, определялась для Сибири в 4–5%¹².

Массовая операция по насильственной административной экспроприации хозяйств, отнесенных к кулацким, и их депортации за пределы постоянного места жительства началась в феврале 1930 г. К лету в Сибирском крае репрессировали 10,5 тыс. кулаков 1-й категории. 16 тыс. семей 2-й категории (82,9 тыс. чел.) выселили в отдаленные необжитые и малообжитые районы. Расселение кулаков 3-й категории предполагалось завершить до 1 апреля, но провели его лишь в немногих районах, а с началом весеннего сева отложили¹³.

В Сибирском крае из официально выявленных на весну 1930 г. 76,3 тыс. кулацких хозяйств раскулачили 59,2 тыс. (77,6%), в т.ч. по постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. – 26,2 тыс. (44% от общего числа раскулаченных). Остальные были раскулачены по другим причинам и в значительной части до принятия этого постановления, в т.ч. 14,7 тыс. хозяйств – при пятикратном обложении за невыполнение «твердых» заданий по хлебозаготовкам; 10,6 тыс. – по различным судебным решениям; 4 тыс. самоликвидировалось¹⁴.

В официальных актах партийных и советских органов декларировалось, что раскулачивание должно осуществляться на базе и по мере сплошной коллективизации. В действительности оно практиковалось почти повсеместно и использовалось как средство ускорения коллективизации. Раскулачивание в Сибирском крае охватило свыше 90% всех сельсоветов. Процент экспроприированных хозяйств был почти одинаково высокий как в районах сплошной коллективизации, так и в тех, где она не проводилась, в т.ч. национальных: Ойротии, Хакасии, Бурятии. В число раскулаченных попадали дворы, которые считались середняцкими (в Канском округе – 20% от общего числа экспроприированных).

К лету 1930 у сибирских кулаков конфисковали имущества на сумму около 15 млн руб. Свыше 11 млн руб. передали колхозам (30% их неделимых фондов). Стоимость конфискованного имущества была невелика (в Сибирском крае – 326 руб. на хозяйство)¹⁵. Это стало результатом снижения состоятельности ранее зажиточных крестьянских хозяйств, раскулачивания дворов, которые никогда кулацкими не были, занижения стоимости экспроприированного имущества и его расхищения активистами колхозного движения.

Массовые репрессии, злоупотребления властью накалили социально-политическую обстановку в деревне. Усилилось бегство крестьян с мест

постоянного проживания. Существенно увеличилось число актов индивидуального террора в отношении представителей властей и активистов. Широкий размах принял политический бандитизм. За 9 месяцев 1930 г. в Западно-Сибирском крае зарегистрировали 880 новых вооруженных отрядов (в 1929 в целом по Сибири – 456). С января по 10 марта 1930 г. в Сибири произошло 46 открытых крестьянских выступлений. Открытые волнения в ряде случаев переходили в вооруженные восстания. В Западной Сибири самым массовым стало Муромцевское восстание, весной 1930 г. охватившее 28 населенных пунктов¹⁶.

В деревне распространялась «эпидемия» забоя скота. Ее «носителями» выступали все без исключения социальные слои сельского населения. Перед вступлением в колхоз крестьяне распродавали или забивали большую часть принадлежащего им скота. Выборочное обследование показало, что в хозяйствах, состоявших на 1 мая 1930 г. в колхозах, убыль КРС по сравнению с 1929 г. составила: у батраков – 31,8%, у бедняков – 33,8, у середняков – 37,8, у зажиточных крестьян – 38,1%¹⁷. В докладной записке инструктора ЦК ВКП(б) о ситуации в Сибири сообщалось о поступлении с мест *«угрожающих данных об истреблении рабочего и продуктивного скота»*¹⁸.

Из-за нехватки кормов и ненадлежащего ухода за животными наблюдался значительный падеж как взрослого скота, так и особенно молодняка. поголовье КРС в Сибирском крае с октября 1929 г. по март 1930 г. сократилось на 19%, коров – на 10, овец и коз – на 42, свиней – на 60% (см. табл. 1). В ряде округов Юго-Западной Сибири ситуация была близка к катастрофической. Так, в Славгородском округе, по предварительным данным весеннего опроса 1930 г., поголовье лошадей было на 36%, коров – на 32, овец – на 65% меньше, чем весной 1929 г. Свиноводство в округе было практически уничтожено. В колхозах и крестьянских хозяйствах насчитывалось 8,5 тыс. свиней, или 12% от уровня 1929 г.¹⁹

Ускоренная коллективизация, помимо резкого снижения количественных параметров скотоводства, могла привести и к кризису в полеводстве. Семян для проведения весеннего сева не хватало. Часть семенного материала была изъята у крестьян в ходе хлебозаготовительной кампании, часть разбазарена. Спешно созданные колхозы не были готовы к его проведению ни организационно, ни технически. Машинно-тракторные станции (МТС) лишь только создавались. Тягловая сила из-за недостатка кормов была истощена. Единоличники планировали свети посев к потребительскому минимуму. В их хозяйствах также ощущался дефицит кормов для лошадей.

Наиболее сложная политическая и социально-экономическая ситуация сложилась в округах, пострадавших в 1929 г. от неурожая (см. ни-

же), имевших самый высокий процент коллективизации и наибольший удельный вес коммун в общем числе колхозов. У посетившего Ойротию председателя краевой контрольной комиссии ВКП(б) Ф.Ф. Лякуткина создалось впечатление, что *«область в течение кратчайшего срока была подвергнута нашествию какой-то банды, которая опустошила край»*²⁰.

Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить массовое крестьянское восстание, руководители советского государства скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были публично дезавуированы в известной статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной 2 марта 1930 г., и в специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»²¹. Резкой критике были подвергнуты «искусственное» форсирование коллективизации, принудительное обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы и «нетоварного» молочного скота, *«перескакивание с артельной формы колхоза к коммуне»*.

Местные власти не сразу восприняли изменение курса и попытались административными методами воспрепятствовать начавшемуся выходу крестьян из колхозов (к 1 апреля уровень коллективизации в Сибирском крае снизился до 43,8%²²). В ряде округов были приняты решения о привлечении таких крестьян к уголовной ответственности. Секретарь Канского окружкома ВКП(б) И.К. Глухов 7 апреля поставил задачу сохранить достигнутый в округе к 20 марта 60%-ный уровень коллективизации²³.

Подобный подход способствовал сохранению высокого уровня политической напряженности в деревне и мог привести к срыву весеннего сева. В связи с этим 2 апреля ЦК ВКП(б) в направленном в адрес региональных парткомов «закрытом письме» потребовал *«обеспечить действительное, не на словах, а на деле, проведение директив партии по борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»*²⁴. В Сибирь в качестве уполномоченного Политбюро был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, который получил задание положить конец инакомыслию и инакодействию местных функционеров²⁵.

Прибыв в Новосибирск, Л.М. Каганович указал на допущенные в ходе форсированной коллективизации и раскулачивания в регионе многочисленные «искривления», «перегибы» и «безобразия», возложив основную ответственность за них на секретарей окружкомов и райкомов компартии, и потребовал жесткого и скорого наказания виновных. Критика была услышана. Решение крайкома ВКП(б) о завершении коллективизации в течение весны 1930 г. и ставка краевого руководства на приоритетное создание коммун были признаны ошибочными²⁶. «Анти-

партийной) стала считаться и идея организационного оформления аграрно-промышленной интеграции через АИКи. Ее разработчикам вменялись в вину «*грубейшие политические ошибки, заключающиеся в основном в грубом нарушении принципа самостоятельности колхозов и совхозов, в гигантомании, в перепрыгивании через важнейший этап социалистического строительства – этап объединения мелких крестьянских хозяйств в артель-село*»²⁷.

Публичное признание «перегибов», допущенных в ходе форсированной коллективизации и раскулачивания, привлечение части обвиненных в этом местных функционеров к судебной ответственности ускорили отток крестьян из колхозов. Процент коллективизации к 10 апреля снизился до 34,2%, к 20 апреля – до 28,1, к 1 июня – до 19,8%²⁸. Массовые выходы из колхозов сопровождались несанкционированным разбором крестьянами имущества, которое они ранее передали в собственность коллективных хозяйств. В расположенном близ Новосибирска с. Плотниково молодежь распевала по этому поводу тут же сочиненную частушку: «*Кто за гриву, кто за хвост, растащили весь колхоз*»²⁹.

Помимо политических задач прибывший в Сибирь Л.М. Каганович постоянно занимался решением практических вопросов подготовки к весеннему севу. С его помощью Сибирь получила дополнительные материальные ресурсы: семена, фураж, технику. Несмотря на усилия центральных, региональных и местных властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в регионе не удалось. По данным Сибкрайкома ВКП(б), существенно сокращенный план весеннего сева был выполнен на 70,7% (в т.ч. по колхозам – на 77,2, по единоличному сектору – на 66,4%)³⁰.

Таблица 2

Площадь ярового посева в Сибири в 1929 и 1930 гг. (тыс. га)

Культура	Западно-Сибирский край		Восточно-Сибирский край	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
1	2	3	4	5
Пшеница	4576,1	3521,1	606,5	566,5
Овес	1805,7	979,7	385,3	331,1
Рожь	44,3	33,8	342,2	312,0
Ячмень	137,7	86,6	47,3	59,1
Просо	136,9	440,3	5,0	10,0
Зерновые	6807,9	5144,1	1445,8	1336,7
Лен	206,0	168,1	14,7	16,1

Конопля	92,9	81,0	18,9	17,0
Картофель	170,4	115,3	46,1	48,1

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
Овощи и бахчевые	83,1	100,7	13,3	18,3
Итого яровых	7594,0	5815,1	1606,3	1495,8

Источники: Данные по Западно-Сибирскому краю: ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18; Данные по Восточно-Сибирскому краю: Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 138–139.

Примечание: В графе «Зерновые», помимо перечисленных в таблице, учтены прочие зерновые и зернобобовые (гречиха, полба, вика, чечевица, горох и др.).

Согласно приведенным в табл. 2 данным, площадь ярового посева³¹ в Сибири в целом, включая Забайкалье, в 1930 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 20,5%, в т.ч. в территориальных рамках Западно-Сибирского края – на 23,4, Восточно-Сибирского края – на 6,9%. Снижение общей площади пашни произошло в значительной степени за счет пшеницы и овса (78,9 и 59,8% от уровня 1929 г. по региону и 76,9 и 54,3% на западе). Заметно сократились посевы ячменя (62,9%), картофеля (67,6%), льна (81,6%) в западной части Сибири, яровой ржи в целом по региону (89,5%). В то же время в Западно-Сибирском крае увеличилась площадь, занятая огородно-бахчевыми культурами (на 21,2%), в Восточно-Сибирском крае – огородно-бахчевыми, ячменем, льном (на 37,6%, 24,9 и 9,5% соответственно). Но наиболее существенный прирост был зафиксирован по просу – в 3,2 раза на западе региона и в 2 раза на востоке. Соответственно изменилась структура занятой пашни. По данным Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР (ЦУНХУ), удельный вес пшеницы и овса в общей площади посева снизился с 51,9 до 47,8 и с 22,2 до 15,7%, а ржи и проса вырос с 11,1 до 15,9% и с 1,4 до 4,2%.

Разница в уровне сокращения посевов между западной и восточной частями региона определялась политическими и природно-климатическими факторами. Выше в западных округах Сибирского края, нежели в восточных, были максимальные показатели коллективизации³² и степень обобществления (т.е. отчуждения) крестьянского имущества в колхозах. Многие крестьянские хозяйства, которые были вынуждены вступить в колхозы, а затем из них вышли, понесли невосполнимые потери.

На востоке региона в 1929 г. был собран хороший урожай. Засуха 1929 г. в основных хлебопроизводящих районах Западной Сибири (Славгородском, Рубцовском, Каменском, Барнаульском, Новосибирском и Кузнецком округах³³), напротив, привела к катастрофическому

неурожаю. Перечисленные округа дали наибольший процент сокращения посевных площадей. В Славгородском округе посевы пшеницы сократились на 43,7%, овса – на 46,4%³⁴.

Страховые запасы семян, которые традиционно сохранялись у крестьян этих округов на случай неурожая, были изъяты в ходе предыдущих хлебозаготовительных кампаний. Не хватало не только семенного, но и продовольственного зерна. Уже зимой 1930 г. в недородных округах Сибирского края, переживших в предыдущем году недород, возникли продовольственные затруднения, переросшие весной и в начале лета в ряде районов в голод. Отмечались случаи употребления в пищу павших животных. Особенно тяжелая продовольственная ситуация складывалась в колхозах³⁵. Инспектирующий Славгородский округ зав. крайземуправлением Н.П. Ялухин в докладной записке в Сибкрайком ВКП(б) и крайисполком (см. Ч. I, док. № 1) отмечал: *«Уже сейчас есть крупные коммуны, абсолютно не имеющие продовольственного хлеба. <...> только редкие колхозы имеют продовольственный хлеб до нового урожая»*. По голодающим селам прокатилась волна *«разграбления амбаров с неприкосновенными [семенными] фондами и амбаров с семенами колхозов»*.

Недостаток семян, явившийся следствием сверхнормативного отчуждения зерна в ходе хлебозаготовок, ощущался не только в недородных округах. Более того, очаги голода были зафиксированы и в более урожайной Восточной Сибири³⁶.

Бескормица привела к истощенности тягловой силы. В докладной записке крайземуправления *«Об итогах весенней сельскохозяйственной кампании»* (см. Ч. I, док. № 2) содержалась следующая информация: *«Недостаток грубых кормов в недородных западных округах и невозможность организовать снабжение сеном до удовлетворения полной потребности их повлекли за собою невероятное ослабление живой тягловой силы к весне. Отсутствие запасов кормов заставило выпустить скот на подножный корм ранней весной, примерно в начале апреля, чему способствовало значительное потепление. Однако через две недели теплая погода сменилась морозами, снежными бурянами, и скот был поставлен во дворы без достаточных запасов сена и соломы, даже частью без крыш, съеденных к тому времени голодным скотом»*. Полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому краю в докладной записке от 1 июня 1930 г. сообщал, что *«в Панкрушихинском районе Каменского округа от бескормицы производительность рабочих лошадей у единоличников снизилась до 65–70%. В некоторых случаях на 3-х лошадях вспахивается в день не более четверти га. Наблюдается ежедневный падеж лошадей от 5 до 7 голов»*³⁷.

Неблагоприятные погодные условия, запоздалая доставка семян в рамках государственной семенной помощи, истощенность рабочего

скота привели к позднему началу посевной кампании и беспрецедентному затягиванию сроков сева (*«на 15–20 дней против прошлых лет»*) (см. Ч. I, док. № 2).

Однако к сокращению посевных площадей в единоличном секторе экономики привела не только нехватка семян, но и сознательное сокращение крестьянами размеров своего хозяйства до потребительского уровня. К этому их толкали налогово-податная политика государства, угроза раскулачивания. Прочитируем приведенное в справке информационно-статистического отдела Сибкрайкома ВКП(б) типичное рассуждение единоличника: *«Сеять – это значит идти на большой риск; тут тебя и окулачат, тут тебе и план до двора доведут и пятькратку, и по миру с сумой пустят. Посею столько лишь бы хватило семье»*³⁸.

Поэтому больше всего пострадали наиболее товарные культуры: пшеница и овес. На ситуацию с овсом также повлияло снижение численности рабочего скота. В Восточной Сибири товарность данных культур и растениеводства в целом была меньшей, чем в юго-западной части региона. Меньшим оказалось и сокращение их посевной площади. Товарные культуры замещались потребительскими. Именно это стало причиной взрывного прироста посевов проса, а также наращивания посадок огородных культур. На западе Сибири часть выращенного льна, картофеля и ячменя поставлялась на перерабатывающие предприятия, на востоке они практически полностью выращивались для собственных нужд. Расширение посевов льна в восточных округах было призвано компенсировать обострившийся дефицит тканей.

Следует отметить, что свою лепту в наращивание посевов проса внесли власти. Из-за отсутствия у государства запасов семян других зерновых в Сибирь было направлено до 500 тыс. пудов этой культуры³⁹. Одним из его ценных качеств, с точки зрения инициаторов данной операции, была высокая «севкость». Полученным объемом можно было засеять значительно больше пашни, нежели тем же количеством зерна, а затем отрапортовать об успехах в деле недопущения снижения посевных площадей.

В Сибирском крае крестьяне-единоличники, не вошедшие в колхозы, в 1930 г. сократили посевные площади в своих хозяйствах по сравнению с 1929 г. (с учетом озимых) на 30%, в т.ч. в юго-западных округах – на 42, в северо-восточных – на 12%⁴⁰.

Колхозы ни организационно, ни технологически не были способны компенсировать сокращение производительных сил единоличного сектора. Во многих из них царил бесхозяйственность. Организация труда находилась на крайне низком уровне. Достаточного количества семян в большинстве колхозов собрать не удалось. В условиях обострившегося дефицита продовольствия в коммунах и сельхозартелях недородных

округов часть семенного зерна была перемолота на муку. Возместить нехватку семенного материала государство в полной мере не смогло. Приводивший к истощенности тягловой силы скота недостаток кормов в колхозах ощущался не только в районах, переживших засуху, а был практически повсеместным.

Животноводство находилось еще в более глубоком кризисе, чем полеводство. В целом по Сибири за 1929/30 учетный год численность лошадей и коров сократилась на одну пятую, КРС – более чем на треть, свиней – более чем на две трети, овец – почти на две пятых. Так же как и в полеводстве, убыль скота на западе региона была выше, чем на востоке. В территориальных рамках Западно-Сибирского края поголовье лошадей снизилось на 23,8%, КРС – на 38,6, коров – на 23,8, овец и коз – на 42,7, свиней – на 68,3%. В округах, вошедших летом 1930 г. в Восточно-Сибирский край, поголовье сократилось соответственно на 13,6, 29,2, 17,0, 22,2 и 60,6% (см. Приложение, табл. 2.1). Аналогичными были причины высокой убыли скота в Западной Сибири: засуха и бескормица, более товарный характер производства, высокий уровень обобществления сельскохозяйственных животных в колхозах.

События начала 1930 г. вызвали существенные изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства региона. Колхозы, хотя и не стали, как это планировалось, преобладающей формой аграрного производства региона, тем не менее многократно увеличили свои количественные параметры. Летом 1930 г. в целом по региону их доля в общей площади посевных площадей составляла 30%⁴¹, в поголовье лошадей – 13,7, КРС – 14,6, коров – 14,5, овец и коз – 12,6, свиней – 10,2% (табл. 3).

Всего в Сибирском крае на начало июня 1930 г. насчитывалось 6202 колхоза, 31,9% из них являлись коммунами, 56,7 – сельхозартелями, 11,4% – ТОЗаами. Во все формы колхозов входило 300,3 тыс. дворов, или 19,8% от их общего числа. В среднем на один колхоз приходилось 48,4 дворов, 207,5 чел., 356,7 га посева, 64,9 рабочих лошадей, 65,9 коров⁴².

Таблица 3

Структура поголовья скота в Сибири в июне 1930 г.
по категориям хозяйств (%)

Тип хозяйства	Лошади	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
1	2	3	4	5	6
Колхозы	13,7	14,6	14,5	12,6	10,2
Совхозы	0,5	1,7	0,7	2,3	1,4

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6
ЛПХ колхозников	0,6	2,7	3,1	2,4	2,3
Хозяйства единоличников	84,9	81,0	81,7	82,7	86,1

Источник: Животноводство СССР в цифрах. М.; Л., 1932. С. 28–29.

Примечания: 1) Таблица включает обобщенную информацию по Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям. 2) Учтены свиньи в возрасте старше 4 месяцев.

На 1 июня 1930 г. уровень коллективизации в округах, вошедших в Западно-Сибирский край, составлял 21,8%, в Восточно-Сибирский – 16,3%. Летом колхозное движение в регионе стабилизировалось. Выходы из колхозов продолжались, но не имели массового характера и компенсировались крестьянами, вновь в них вступившими. На 1 сентября уровень коллективизации в Западно-Сибирском крае составлял 20,5%, на 1 декабря – 21,9%, в Восточно-Сибирском крае – соответственно 16,6 и 17,1%⁴³.

«Все организационное и производственное руководство» колхозами в масштабах сельских районов возлагалось на райколхозсоюзы. В районах с низким уровнем коллективизации колхозы подчинялись райкоопсоюзам, в рамках которых создавались автономные колхозные секции⁴⁴. Районные колхозсоюзы объединялись в краевой союз, который в свою очередь входил в Колхозцентр СССР и РСФСР. За общие вопросы организации сельскохозяйственного производства в колхозах также отвечали земельные органы – наркоматы земледелия СССР и РСФСР, краевые земельные управления, районные земельные отделы.

Базовой формой организации труда в колхозах являлись бригады. Первоначально они формировались по территориальному принципу, объединяя колхозников, живущих на одной улице, в одном селении. Однако более перспективной формой были признаны бригады, специализированные по видам работ и организуемые перед началом пахоты, сенокоса, уборки урожая, строительства. Бригады были временными, функционировали от нескольких дней до одного сезона.

Основной колхозного животноводства должны были стать товарные фермы. В 1930 г. в колхозах Западно-Сибирского края создали 609 молочных ферм, 247 свиноводческих и 45 овцеводческих⁴⁵. Однако в большинстве хозяйств фермы отсутствовали, что приводило к значительному падежу скота и провоцировало его хищения. Бригадир молочно-товарной фермы (МТФ) колхоза «Искра-Колос» Шабановского сельсовета Ленинского района Малков в 1936 г. так вспоминал об этом:

«В 30-м году в один колхоз слились несколько хозяйств, согнали 800 овец, больше 200 коров, но не прошло и году – овец не осталось и 200. Дворов не было, скот шлеялся по улицам. Бывало сам видишь, во двор забежало 8–10 овец, пройдет полчаса, выгоняют 6–8. "Это, – говорят, – наши овцы", – и метку показывают. Три года молодняк валился, отход доходил до 60 проц. и виновника не найдешь»⁴⁶.

Колхозы, как правило, располагали лишь сельхозмашинами на конной тяге. Выполнение механизированных работ в них возлагалось на машинно-тракторные станции. МТС проводили, главным образом, полеводческие работы. Их основной структурной единицей являлась тракторная бригада. МТС обязывались выполнять за предусмотренную плату оговоренные виды сельхозработ принадлежащими им машинами. Расценки на услуги МТС были завышенными. Помимо выполнения механизированных работ на МТС возлагалось осуществление т.н. организационной помощи колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни – производство, учет труда, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику. К началу июня 1930 г. в Сибири функционировало 9 МТС Всесоюзного центра машинно-тракторных станций (Тракторцентра), которые располагали 346 тракторами и обслуживали 116 колхозов. Ими было вспахано 6,4% от общей посевной площади сибирских колхозов. Кроме того, в регионе находились 2 МТС Хлебоцентра и 2 тракторные колонны Льноцентра. В октябре 1930 г. все кооперативные МТС были переданы Тракторцентру⁴⁷.

Колхозы были обязаны *«полностью и безусловно»* поставить государству все «товарные» излишки произведенной ими продукции. Из остающихся после этого продуктов колхозы обязывались образовать семенной, страховой и фуражный фонды, а также натуральный фонд, предназначенный для продовольственного обеспечения вступающих в колхоз бедняков. Оставшаяся часть сельхозпродуктов распределялась между колхозниками *«в соответствии с трудовым вкладом»*. Продажа колхозной продукции на вольном рынке категорически запрещалась.

Попытки руководителей колхозов скрыть имеющееся у них зерно, задержать обмолот и хлебосдачу, создать до ее завершения семенные, фуражные и продовольственные фонды, в том числе не предусмотренные законодательством, раздать хлеб колхозникам по «завышенным», по мнению властей, нормам или продать его на рынке встречали жесткую ответную реакцию властей. Колхозы лишались налоговых и иных льгот, от них требовалось досрочное погашение задолженностей, прекращалось кредитование, снабжение сельхозорудиями и потребительскими товарами, а руководители привлекались к партийной, административной и судебной ответственности. «Высшей мерой наказания»,

применяемой к колхозам, являлся их роспуск. Так, в феврале 1931 г. «за срыв плана хлебозаготовок» были распущены колхозы «Колос», «Герой Труда» Поспелихинского района и «Имени 13-й годовщины Октября» Славгородского района⁴⁸.

Наряду с коллективизацией в 1930 г. развернулось строительство крупных специализированных совхозов. Первые 6 крупных зерносовхозов были образованы в 1929 г., в 1930 г. – еще 10 зерносовхозов. В рамках системы Всесоюзного государственного объединения «Скотовод» в Восточной Сибири были организованы 4 совхоза, в Западной Сибири – 14 мясомолочных совхозов. Создавались новые свиноводческие и овцеводческие хозяйства. Начало функционировать совхозное объединение «Маслотрест». Совхозам региона принадлежало 3,1% посевных площадей⁴⁹, 0,5% лошадей, 1,7% КРС, 0,7% коров, 2,3% овец и коз, 1,4% свиней (см. табл. 3).

Две трети посевных площадей и абсолютно большая часть сельскохозяйственных животных были сосредоточены у крестьян-единоличников. При этом существенно снизилась средняя обеспеченность единоличных хозяйств посевом и скотом. По данным налогового учета, в 1930 г. на сто крестьянских хозяйств Западно-Сибирского края в среднем приходилось 292 га посева, 122 рабочие лошади, 137 голов крупного и 273 головы мелкого рогатого скота (в 1929 г. – соответственно 445 га, 151, 180 и 430 голов)⁵⁰. Таким образом, результатом первого этапа коллективизации стало обеднячивание единоличного крестьянства, его нивелировка на значительно более низком имущественном уровне, чем средний в предыдущий период. Единоличное хозяйство имело более потребительский характер, нежели коллективное. В Восточно-Сибирском крае удельный вес ржи в общей площади посева единоличников составлял 35,9%, пшеницы – 35,1, крупяных культур – 4,0, картофеля – 3,5%; в колхозах – 19,6, 46,5, 3,5 и 2,2% соответственно⁵¹.

В процессе коллективизации возник новый сектор сельской экономики – личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников. В январе-феврале 1930 г. власти пытались «обобществить» весь принадлежащий новоиспеченным членам колхозов скот. В начале марта подобные перегибы были осуждены. 2 марта одновременно со статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов» был опубликован утвержденный ЦИК и СНК СССР Примерный устав сельскохозяйственной артели, в котором определялись предельные параметры изъятия в фонд колхоза имущества его членов. В индивидуальном пользовании рекомендовалось оставлять приусадебные земли (огороды, сады и т.п.), одну корову и «некоторое» количество мелкого продуктивного скота. В ЛПХ членов сельхозартелей наличие рабочего скота не предусматривалось⁵².

Тем не менее большинство крестьян, оставшихся в колхозах, по-прежнему не имело ЛПХ. Согласно налоговому учету 1930 г., «необобществленным» имуществом, облагаемым сельхозналогом, в Западно-Сибирском крае располагало всего около трети семей колхозников. На сто таких семей, по данным налогового учета, в среднем приходилось 17 га приусадебного посева, 13 рабочих лошадей, 80 голов крупного рогатого скота старше 3 лет и 146 овец и коз облагаемого возраста (см. Ч. I, док. № 5).

Отсутствие ЛПХ у большинства колхозных семей связано как со значительным распространением в регионе коммун, так и с высоким уровнем «обобществления» средств производства в местных сельхозартелях (в середине 1930 г. в колхозах Сибири было обобществлено 81,3% коров, в то время как на Северном Кавказе – 17,6, а в среднем по СССР – 33,9%). В то же время относительно большое количество лошадей в ЛПХ являлось следствием того, что 13% коллективных хозяйств Западно-Сибирского края были ТОЗами, в части которых рабочий скот оставался в личной собственности их членов⁵³. Удельный вес личного хозяйства колхозников был минимален и составлял 0,6% поголовья лошадей, 2,7 КРС, 3,1 коров, 2,4 овец и коз, 2,3% свиней (см. табл. 3). Доля приусадебного посева членов колхозов, по нашим подсчетам, не превышала 0,25% от общей посевной площади.

В 1930 г. параллельно с массовой коллективизацией планировалось осуществить полномасштабный переход к контрактации сельскохозяйственного производства. Но из-за развала большинства созданных зимой и в начале весны этого года колхозов, с которыми были заключены договоры, выполнить поставленную задачу не удалось. Значительное количество вышедших из колхозов крестьянских хозяйств оказались неохваченными контрактацией.

В связи с этим в 1930/31 г. в индивидуальном секторе сельской экономики наряду с ней продолжал действовать урало-сибирский метод заготовок⁵⁴. При этом в контрактационную систему и в порядок утверждения «твердых» заданий вносились некоторые изменения. Во-первых, вновь разрешалось заключение договоров не только с земельными обществами, но и с индивидуальными («бедняцко-средняцкими») хозяйствами, а также их неформальными группами («группами посевицков»). Во-вторых, запрещалась контрактация посевов хозяйств, отнесенных к категории кулацких. Эти хозяйства сдавали продукцию только по «твердым» заданиям, размеры которых определялись комиссиями содействия заготовкам и утверждались непосредственно сельсоветами, минуя стадию их обсуждения на сельском собрании. Краевые, а затем районные органы управления определяли процент подобных дворов и их долю в общем объеме заготовок. Крестьяне-единоличники, которые не

получали «твердых» заданий, сдавали сельхозпродукты в соответствии со своими обязательствами по контрактационным договорам или в порядке разверстанного на них после принятия поселенного заготовительного плана «самообязательства». Для колхозов заключение контрактационных договоров было обязательным.

Предусмотренные договорами контрактации заготовительные задания в течение года могли неоднократно меняться. Основным механизмом их увеличения являлись т.н. встречные планы. Формально они должны были представлять собой добровольно выдвинутые трудящимися повышенные, по сравнению с государственным планом, обязательства на основе учета реально имеющихся резервов. На деле решение о необходимости выполнения регионом «встречного» плана принималось органами верховной власти страны или региона. Затем полученное дополнительное задание разверстывалось по районам и далее – по селам и хозяйствам.

Так, Сибкрайисполком, чтобы добиться выполнения плана мясозаготовок до наступления теплой погоды, в конце февраля 1930 г. разверстал по округам задание по дополнительной контрактации скота. В целях его выполнения следовало добиться досрочной сдачи скота, оставленного на «передержку», а также изъять в колхозах мясо, конфискованное в кулацких хозяйствах при их экспроприации⁵⁵.

Первоначально возложенный на Западно-Сибирский край план хлебозаготовок на 1930/31 г. в размере 85 млн пудов решением Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1930 г. был увеличен до 92 млн пудов. В тех селениях, где к этому времени годовые задания по хлебосдаче были уже приняты, практиковался «метод встречных планов». В конце ноября Политбюро предложило краевым властям в течение декабря – первой половины января добиться «в порядке встречных планов» перевыполнения годового задания еще на 7 млн пудов. Практически весь объем дополнительных заготовительных заданий был возложен на единоличников. В конце декабря 1930 г. и январе 1931 г. в связи с невыполнением колхозами региона планов хлебосдачи часть их заготовительного задания (5 млн пудов) по указанию крайисполкома также в форме «встречных планов» перераспределили на единоличный сектор сельской экономики⁵⁶. Подобной практикой широко пользовались и местные власти, перекладывая невыполненные заготовительные задания с одного района или колхоза на другой.

Контрактационная система обеспечивала изъятие из деревни максимально возможного объема ресурсов для их последующего перераспределения в пользу индустриального сектора экономики, но при этом подрывала производительные силы сельского хозяйства.

-
- ¹ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1929. № 21–22. С. 18.
- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 8.
- ³ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 286.
- ⁴ Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: Сб. документов. Новосибирск, 2009. С. 199–204.
- ⁵ Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.): Сб. документов. Томск, 1972. С. 147, 149.
- ⁶ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3468. Л. 47.
- ⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 105. Л. 212–213, 207; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 469. Л. 35, 36; Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. С. 147.
- ⁸ См.: Ильиных В.А. Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х – 1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 341–342.
- ⁹ Правда. 1929. 29 дек.
- ¹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2000. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 126–130.
- ¹¹ СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105.
- ¹² Коллективизация сибирской деревни. С. 207.
- ¹³ Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 231.
- ¹⁴ Там же. С. 227.
- ¹⁵ Там же. С. 229–231.
- ¹⁶ Там же. С. 214; Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 83; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 37.
- ¹⁷ Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 3. С. 6.
- ¹⁸ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 289.
- ¹⁹ ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2321. Л. 62; Ч. I, док. № 1.
- ²⁰ Коллективизация сибирской деревни. С. 288.
- ²¹ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 101–104.
- ²² Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. С. 147.
- ²³ Коллективизация сибирской деревни. С. 8.
- ²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 369.
- ²⁵ См.: Ильиных В.А. Поездка Л.М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 52–56.
- ²⁶ Коллективизация сибирской деревни. С. 325–326.
- ²⁷ Хоробрых Ф.А. Основные вопросы социально-технической реконструкции сельского хозяйства // Жизнь Сибири. 1931. № 1. С. 9.

-
- ²⁸ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 299.
- ²⁹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 70.
- ³⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91.
- ³¹ Итоги весенней посевной кампании подводились без озимых культур, посев которых учитывался в год уборки, но проводился осенью предыдущего года. Озимая кампания 1929 г., результаты которой были статистически зафиксированы в рамках следующего года, проходила в иных хозяйственно-политических условиях, нежели весенняя посевная 1930 г.
- ³² На 10 марта 1930 г. уровень коллективизации в юго-западных округах Сибирского края составлял 60,3%, в северо-восточных – 40,6% (Ч. I, док. № 2).
- ³³ В 1929 г. доля перечисленных округов в общей площади посева в Сибирском крае составляла 45% (Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 297–299).
- ³⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78.
- ³⁵ См.: Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007. С. 210–217.
- ³⁶ Там же. С. 216–217.
- ³⁷ Коллективизация сибирской деревни. С. 388.
- ³⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 99.
- ³⁹ Коллективизация сибирской деревни. С. 330, 344.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78; Д. 2033. Л. 45.
- ⁴¹ Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 256.
- ⁴² Народное хозяйство СССР: Стат. справочник 1932. М., 1932. С. 134, 135.
- ⁴³ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 306.
- ⁴⁴ Ильиных В.А. Реорганизация системы сельскохозяйственной кооперации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. С. 101.
- ⁴⁵ На ленинском пути. 1930. № 21–22. С. 26.
- ⁴⁶ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. С. 166.
- ⁴⁷ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 301, 331.
- ⁴⁸ Советская Сибирь. 1931. 14, 17 февр.
- ⁴⁹ Сельское хозяйство СССР. С. 256.
- ⁵⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 15.
- ⁵¹ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 136–137.
- ⁵² Правда. 1930. 2 марта.
- ⁵³ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 304, 318.
- ⁵⁴ См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 86–87, 93–94.
- ⁵⁵ ГАНО. Сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929–1930 г. Л. 251–252об.
- ⁵⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941. С. 37–38, 60–63, 67.

3. 1931–1932 гг.

В начале 1930 г. сталинское руководство страны приняло решение о переходе к форсированной коллективизации. К марту в колхозах числилось около половины крестьянских хозяйств Сибири. Составной частью коллективизации и одним из основных методов ее осуществления было раскулачивание. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно осязаемое в животноводстве. Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. Процент коллективизации в регионе к лету 1930 г. снизился в 2,6 раза.

Отступление режима имело тактический характер. Декабрьский (1930 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) поставил задачу возобновления массовой коллективизации. В Сибири в течение 1931 г. надлежало вовлечь в колхозы не менее 50% крестьянских хозяйств¹. В принятом 6 марта 1931 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О колхозном строительстве и развертывании массовой политической работы среди крестьянства в Запсибкрае» крайкому поручалось *«всю работу в деревне подчинить основной задаче – организации массового прилива в колхозы»*².

Задача была выполнена. С марта в Сибири начался быстрый рост коллективизации. Ее высокие темпы обеспечивались совокупностью различных факторов. С начала года возобновилось психологическое, политическое и административное давление на единоличников. В ходе размежевания с колхозами им отводились более отдаленные и менее качественные земельные участки. Существенно увеличилась налогово-податная нагрузка на единоличные хозяйства. В 1930/31 окладном году при обложении сельхозналогом были повышены нормы вмененной доходности полевых и огородных культур, доля включения в облагаемую базу неземледельческих доходов, пеня за неуплату в срок, уплотнился график сдачи. Кроме того, у хозяйств, которые, по мнению властей, в 1930 г. сократили свой посев без уважительных причин, обложению подлежала прошлогодняя площадь посева. В итоге, несмотря на сокращение средней обеспеченности хозяйства западносибирского единоличника посевом на 34%, рабочим скотом – на 15 и КРС – на 24%, сумма сельхозналога, предъявленная ему к оплате, снизилась всего лишь на 4%.

Помимо ЕСХН, единоличники продолжали нести постоянно возрастающую тяжесть других обязательных и «добровольных» платежей.

В 1930 г. в очередной раз увеличились размеры паевых взносов в потребительскую кооперацию, а органы местного самоуправления получили право доводить суммы самообложения до 100% оклада сельхозналога (в предыдущем году максимум составлял 50%)³. В 1931–1932 гг. фискальный нажим на единоличников еще более усилился. Так, с 1931 г. при исчислении сельхозналога стали учитываться доходы от продажи произведенных крестьянами сельхозпродуктов на рынке по ценам, превышающим государственные и кооперативные заготовительные цены (т.н. конъюнктурные доходы)⁴.

Колхозы и колхозники, напротив, получили налоговые послабления. Для колхозов отменялась прогрессивно-подходящая шкала исчисления ЕСХН и вводились единые ставки обложения. Налогом не облагался весь «обобществленный» скот и продуктивный скот, оставшийся в личной собственности колхозников. В 1931 г. от обложения был освобожден прирост посевных площадей. Принципиальное значение для крестьян, вступающих в сельхозартели и коммуны, имело то, что их освобождали от взыскания штрафов за сокрытие объектов обложения, неуплату в срок обязательных налоговых платежей, невыполнение натуральных податей и трудовых повинностей. В отношении них прекращалось судопроизводство по налоговым делам и исполнение уже принятых по ним судебных решений⁵.

Все возрастающее давление единоличники испытывали и в сфере заготовок сельхозпродуктов. В ходе хлебозаготовительной кампании 1930/31 г. годовой план хлебосдачи по единоличному сектору неоднократно повышался, увеличившись в Западно-Сибирском крае с 36,7 до 54,9 млн пудов. На единоличные хозяйства разверстали большую часть полученного краем дополнительного задания, часть годового плана колхозного сектора, в их годовое задание были включены т.н. встречные планы. Колхозный план, напротив, снизился с 31,3 до 26,2 млн пудов⁶. Единоличник, полностью и в срок выполнивший первоначально полученное задание, мог затем (и неоднократно) превратиться в недоимщика со всеми вытекающими отсюда последствиями. В сторону повышения могли пересматриваться нормы и объемы сдачи других сельхозпродуктов. Так, в Западно-Сибирском крае средние нормы сдачи молока для единоличников на 1931 г. на одну корову, первоначально установленные в размере 3,5 ц, в мае были увеличены до 4,5 ц, а в июне до 7,7 ц⁷.

Действенным стимулом для вступления единоличников в колхозы продолжала оставаться политика ликвидации кулачества как класса, проводившаяся, несмотря на то, что к лету 1930 г. в деревне не осталось не только кулацких, но даже сколько-нибудь зажиточных крестьянских хозяйств. Раскулачиванию и депортации теперь подлежали бывшие

(в т.ч. бежавшие в город) или вновь выявленные кулаки. К кулакам могли отнести и политически неблагонадежных, с точки зрения властей, крестьян, включая и тех, кто упорно отказывался вступить в колхоз.

Запсибкрайком ВКП(б) 25 декабря 1930 г. предложил провести конфискацию имущества и депортацию *«наиболее злостных кулаков, активно вредящих делу коллективизации»*. Из 21 района выселили более 700 семей (3,1 тыс. чел.). В марте 1931 г. в Западно-Сибирском крае провели экспроприацию и выселение из 14 районов сплошной коллективизации еще одной группы крестьян, объявленных кулаками. В том же месяце Восточно-Сибирский крайком постановил *«произвести соответствующие мероприятия по выселению кулаков и их семейств»* из пограничных районов Забайкалья. 27 апреля 1931 г. Запсибкрайком принял постановление *«О ликвидации кулачества как класса»*, в котором ставилась задача подвергнуть экспроприации и выселению *«все твердо установленные кулацкие хозяйства, а также кулаков-одиночек из сельской и городской местности края, а также кулаков, проникших в колхозы, совхозы и др. предприятия и учреждения»*. В мае 1931 г. в Западно-Сибирском крае выселили 39788 единоличных хозяйств, отнесенных к категории кулацких (182,3 тыс. чел). Помимо единоличников было выселено еще около 4 тыс. ранее экспроприированных семей, но оставшихся в местах прежнего жительства, частично вступивших в колхозы, совхозы, переехавших в город⁸.

Насильственная экспроприация была основным, но не единственным методом раскулачивания. Этой цели подчинялась и налоговая политика. Все хозяйства, квалифицированные как кулацкие, подлежали индивидуальному обложению сельскохозяйственным налогом. Причем перечень признаков, по которым хозяйство можно было отнести в разряд кулацких, постоянно расширялся. Сумма ЕСХН на хозяйство, причисленное к кулацким, в 1930/31 окладном году почти в 15 раз превосходила обложение остальных единоличников, выплачивающих этот налог. При этом следует иметь в виду, что сельхозналог составлял лишь 45% от суммы обязательных денежных платежей, предварительно начисленной на один облагаемый в индивидуальном порядке двор. Еще 34% приходилось на самообложение, 12% – на обязательные страховые платежи, 5% – на налог с лиц, лишенных прав быть сельхозполнителями⁹, и 4% – на налог с лиц, лишенных права служить в Красной Армии¹⁰. С введением в январе 1931 г. обязательного сбора на хозяйственное и культурное строительство (позднее получившего название культсбора), который для кулаков равнялся окладу сельхозналога, удельный вес последнего в денежных платежах еще более снизился¹¹. Сумма денежных обязательств, начисленная на индивидуально облагаемые дворы, превышала их совокупный годовой доход. Естественно, что таких денег они запла-

тить не могли. В ответ на это следовали опись и почти полная распродажа имущества.

Аналогичную направленность имела и заготовительная политика. При этом «твердые» заготовительные задания, которые должны были равняться всем установленным «товарным» излишкам и выполняться в сжатые сроки, получали не только кулацкие, но и зажиточные хозяйства, критерии определения которых были еще более размытыми. В данную категорию могли включить любое единоличное хозяйство, не выполнившее своих обязательств по сдаче сельхозпродуктов. Так, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе 9 февраля 1931 г. направил в адрес районов с низким темпом хлебозаготовок директивную телеграмму, обязывающую местные власти *«довыявить дополнительное количество кулацких [и] зажиточных хозяйств»*. При этом они не должны были ограничиваться уже раскулаченными дворами, *«не дающими хлеба»*, а заняться «тщательным» расследованием каждого случая *«демонстративного отказа от выполнения принятого самообязательства»*, и если этот крестьянин окажется «зжиточным», «немедленно» предъявить и «срочно» взыскать с него «твердое» задание¹². В итоге «твердые» задания в кампанию 1930/31 г. получили 56,3 тыс. «кулацких и зажиточных» хозяйств Западно-Сибирского края, или 6,5% от общего числа единоличных дворов, а их доля в заготовительном плане по единоличному сектору составляла 17,4%. В 1931/32 заготовительном году доля единоличников, на которых было разверстано «твердое» задание, увеличилась, составив 8,7%¹³.

Помимо прямого или косвенного насилия, определенный вклад в успех колхозного движения внесла пропаганда, акцентирующая на положительные примеры функционирования отдельных колхозов. Роль своеобразных пропагандистов «социалистического выбора» сыграли и появившиеся на колхозных полях трактора.

Задания Центра по темпам коллективизации были перевыполнены. Большинство крестьян вследствие экономического давления, под угрозой насилия или поддавшись пропаганде, вошло в колхозы. Десятки тысяч сельских жителей были депортированы в необжитые места, сотни тысяч бежали из деревни. На 1 января 1931 г. в колхозах Западно-Сибирского края состояло 22,5% крестьянских дворов, Восточно-Сибирского края – 20,2, на 1 марта – соответственно 28,5 и 27,3%, на 1 мая – 39,4 и 36,5%, на 1 июля – 52,5 и 46,8%, на 1 сентября – 56,3 и 52,1%¹⁴.

В начале лета на долю единоличных хозяйств в Западно-Сибирском крае приходилось 24,5% посевных площадей, 49 – лошадей, 43 – КРС, 36% овец и коз, в Восточно-Сибирском крае – 32,6, 50, 45 и 39% соответственно. К концу года их удельный вес в аграрной экономике региона еще более снизился. В Западно-Сибирском крае в маслозаготовках

1931 г. он составил 41%, в хлебозаготовках 1931/32 г. – 22,6%¹⁵. Таким образом, аграрная экономика Сибири в течение 1931 г. перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее основной организационно-производственной ячейкой.

В 1931 г. завершилось становление контрактационной системы, которая одновременно являлась методом организации производства и базовой натуральной податью. В Сибири контрактовались практически все продукты полеводства (зерновые, крупяные, бобовые, масличные и технические культуры, кормовые корнеплоды, семена трав, картофель и овощи), животноводства (мясо, молоко, в т.ч. овечьё и козье для его переработки на брынзу, шерсть, кожевенное сырье) и птицеводства (*«товарные излишки яйца и птицы»*), производимые в единоличных хозяйствах, колхозах и личных хозяйствах колхозников, а также сено.

Контрактация продукции растениеводства осуществлялась по следующей схеме¹⁶. Начиналось все с разверстки на регионы, районы, колхозы и сельсоветы посевных планов, которые обсуждались и утверждались на общих собраниях колхозников или на собраниях единоличников, хозяйства которых относились к категории бедняцких или середняцких. В единоличном секторе посевные обязательства, взятые на себя группой посевицков, распределялись между всеми дворами. Часть разверстанного на населенный пункт посевного плана в форме устанавливаемых сельсоветом «твердых» заданий возлагалась на хозяйства, зачисленные в разряд зажиточных или кулацких. Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом. После принятия посевных заданий заключались договоры о контрактации посевов, которые также обсуждались и принимались на собраниях колхозников и единоличников. Договоры с личными хозяйствами членов колхозов заключались в индивидуальном порядке, но так же, как и в случае с единоличниками, утверждались сельсоветами.

В соответствии с заключенным договором контрактанты должны были вырастить указанную в нем культуру с соблюдением обязательных агротехнологических приемов («агроминимум») и сдать ее «товарные излишки» государству. В договорах также оговаривались примерные нормы (в % от валового сбора), место, предельные сроки сдачи продукции, а также ее качество и заготовительная цена. Несоблюдение договоров со стороны контрактантов преследовалось в административном и уголовном порядке. Для колхозов, расположенных в зоне действия МТС, контрактационные договоры заменялись договорами с машинно-тракторными станциями об обслуживании. Подобным колхозам, «как правило», устанавливались более высокие, чем хозяйствам, не обслуживаемым МТС, нормы сдачи сельхозпродуктов.

Окончательные объемы продукции, подлежащей сдаче государству по контрактации посевов, должны были устанавливаться перед началом уборочных работ и после определения урожайности. В действительности же размер сдачи зависел не от урожая, а от заготовительного задания, которое устанавливалось Центром и разверстывалось на регионы, районы, сельсоветы и колхозы. При этом краевые и районные власти могли увеличить доведенное до них задание, чтобы застраховать себя от его возможного невыполнения¹⁷. Разверстанное на сельсовет или колхоз заготовительное задание вновь должно было обсуждаться и приниматься на соответствующих собраниях, а также утверждаться сельсоветом. Ту же процедуру следовало повторить и при принятии «встречного» плана.

Контрактация продуктов животноводства осуществлялась одновременно с доведением до деревень и колхозов годовых заготовительных заданий, которые также обсуждались и принимались на общих собраниях колхозников или на бедняцко-средняцких собраниях единоличников. В контрактационных договорах определялись обязательства коллективных и индивидуальных хозяйств по сохранению и содержанию скота, а также объемы, сроки и порядок поставок произведенной продукции. В колхозах заготовительный план делился между обобщественным и необобщественным секторами.

Цены на поставляемую в рамках контрактации продукцию были существенно ниже рыночных. В перечень обязательств, которые от имени государства брали на себя уполномоченные хозяйственные органы, могло входить снабжение контрактантов сортовыми семенами, их агрономическое и зоотехническое обслуживание, авансирование и производственное кредитование, снабжение дефицитными промтоварами по государственным ценам. Производителям технических культур предусматривалась выдача продуктов их переработки (сахар, растительное масло, жмых и др.), а также продажа хлеба по государственным ценам. Однако в полном объеме данный перечень реализовывался в редких случаях. Производственное кредитование предусматривалось только в отношении колхозов. Сортовыми семенами обеспечивалась незначительная часть посевов. Контрактация зерновых, молока и сена была безавансовой, а производство большинства остальных культур авансировалась лишь частично. Так, «частичная» выдача авансов в счет сдачи скота производилась *«исключительно нуждающимся колхозам и колхозникам»*. Авансирование, товаро- и хлебоснабжение единоличников производились по остаточному принципу и по нормам, уступающим колхозным. Отпуск промтоваров колхозникам и выделение кредитов колхозам ставились в прямую зависимость от выполнения заготовительных планов и фактически являлись премиями «исправным» сдатчикам.

В начале 1932 г. контрактационная система несколько видоизменилась¹⁸. В договорах по контрактации ряда продуктов растениеводства стали заранее предусматриваться фиксированные нормы поставок в центнерах с гектара. В силу неразвитости инфраструктуры по хранению и переработке поступающих государству овощей, картофеля и сена существенно сокращались масштабы их контрактации. Договоры об их поставках стали заключаться лишь с колхозами и единоличными хозяйствами, расположенными недалеко от перерабатывающих предприятий, городов и рабочих поселков, железнодорожных и водных путей сообщения. Объем сдачи сена не привязывался к его валовому сбору, а устанавливался в центнерах, *«исходя из преподанного району плана наличия сенокосных угодий, товарного выхода и с учетом направления хозяйства»*¹⁹. Кроме того, в силу сложностей, возникающих с организацией собраний единоличников, многие сельсоветы стали брать на себя функции непосредственной разверстки посевных и заготовительных заданий не только на «кулацко-зажиточные», но и на бедняцкие и середняцкие хозяйства. Таким образом, обязательства по посеву и сдаче сельхозпродуктов единоличниками, относимыми к категории бедняков или середняков, де-факто превращались в «твердые задания».

Весенняя посевная кампания 1931 г., которая проходила в условиях преобладания «социалистического» сектора, должна была продемонстрировать преимущества коллективного сельского хозяйства. Декабрьский (1930 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) поставил перед региональными партийными организациями задачу добиться существенного расширения посевных площадей²⁰. Принятое в Западно-Сибирском крае плановое задание предусматривало 62%-ное расширение ярового клина, в Восточно-Сибирском крае – 37%-ное. Реализации столь грандиозных планов в полной мере добиться не удалось. Они были выполнены в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях на 79 и 84% соответственно²¹.

Несмотря на существенное невыполнение намеченных планов, «вторая большевистская весна» прошла в целом успешно. Площадь ярового посева, по данным ЦУНХУ, в Западно-Сибирском крае выросла на 22,5%, в Восточно-Сибирском – на 19,3%. Однако провал озимой посевной кампании²² несколько ухудшил показатели общего прироста. Посевные площади озимых и яровых культур в Западно-Сибирском крае в 1931 г. увеличились на 16,8%, в Восточно-Сибирском – на 13,7% (см. Приложение 1, табл. 1.1).

В первую очередь в колхозах и совхозах наращивалось производство пшеницы и овса. В регионе в целом их засеяли на 20,6 и 32,3% больше, чем в 1930 г. Увеличились посевы ценных технических культур – льна и подсолнечника: в Западно-Сибирском крае – на 35,2 и 44,4% соответ-

ственно. Дальнейшее развитие получило начавшееся в предыдущем году на Алтае совхозное промышленное свеклосеяние. Сахарную свеклу в 1931 г. посеяли на площади 4,2 тыс. га (в 1930 г. – на 0,7 тыс. га). Единоличники, напротив, продолжили переориентацию своих хозяйств на выращивание преимущественно потребительских культур. Прирост посевов яровой ржи в регионе составил 27%, гречихи – 147, проса – 64%²³.

Относительный успех весенней посевной кампании 1931 г. был предопределен рядом факторов. Предыдущий сельскохозяйственный год был высокоурожайным²⁴, и в деревне удалось накопить достаточное количество семян. Колхозы, в которых их не хватало, получили возвратную семсуду. Обеспеченность рабочего скота кормами была вполне удовлетворительной. Объединение усилий вошедших в колхозы крестьян действительно создало условия для роста среднечеловеческих показателей посева по сравнению с единоличными хозяйствами. Свою лепту в увеличение обработанной земли внесли трактора МТС, вспахавшие 692 тыс. га колхозной пашни (33,8% от ее общей площади)²⁵.

Положение в животноводстве в 1930/31 г., напротив, продолжало ухудшаться. Крестьяне по-прежнему забивали скот перед вступлением в колхоз, а хозяйства т.н. социалистического сектора отличались высоким уровнем падежа животных. В Западно-Сибирском крае темпы убийств хотя и несколько снизились по сравнению с предыдущим годом, но оставались весьма существенными: поголовье лошадей сократилось на 18,2%, КРС – на 13,1, коров – на 15,8, овец – на 29,7, свиней – на 12,8%. В Восточно-Сибирском крае произошло более глубокое, чем в 1929/30 г., сокращение числа овец. Поголовье лошадей, КРС и коров уменьшилось на 13,6, 16,0 и 19,4%, а количество свиней увеличилось на 8,4% (см. Приложение 2, табл. 2.1).

Ситуация в сельском хозяйстве резко осложнилась летом 1931 г. в связи с сильной засухой, поразившей 29 основных хлебопроизводящих районов Западно-Сибирского края (27% от общекрайевой посевной площади зерновых). На 58% площадей в этих районах урожай ожидался в 2 и менее ц/га, на 42% площадей – от 2 до 3 ц/га. Урожайность зерновых в целом по краю по состоянию на 1 сентября была определена краевой экспертной комиссией в 5 ц/га. Предполагаемый сбор в колхозах составлял 4,6 ц/га, в совхозах – 4,5 ц/га, в единоличных хозяйствах – 6,2 ц/га (см. Ч. I, док. № 4). Более низкая урожайность на предприятиях социалистического сектора отчасти объяснялась тем, что в засушливых районах уровень коллективизации был выше, там же находились наиболее крупные совхозы Зернотреста. Кроме того, единоличные хозяйства отличались от колхозов и совхозов более высоким качеством сельхозработ. Реальный урожай в крае оказался еще ниже и составил 4,5 ц/га²⁶. Зерна, по официальным данным, в Западной Сибири собрали на 39%

меньше, чем в неурожайном 1929 г., и на 41% меньше, чем в предыдущем²⁷.

Несмотря на снижение валового сбора, край получил задание заготовить в 1931/32 г. 85 млн пудов хлеба, что более чем на 5% превосходило фактические заготовки 1930/31 г.²⁸ 18 октября 1931 г. Колхозцентр и Трактороцентр по прямому указанию Политбюро запретили образование в колхозах семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов до полного выполнения государственного заготовительного задания. Более того, и после этого колхозникам надлежало найти источники для принятия «встречных планов»²⁹.

Никакие аргументы о непосильности заготовительного задания краевых властей перед Центром, а районных – перед краем не принимались. 26 октября 1931 г. бюро крайкома ВКП(б) решило снять с работы и исключить из партии «за *оппортунистическое отношение к хлебозаготовкам*» секретаря Курьинского райкома Д.С. Лачкова. Ему инкриминировалось «*оппортунистическое нытье*» о нереальности плана и принятие постановления райкома, «*предлагающее МТС и Р[ай]К[олхоз]-С[оюзу] нарушать преподанный краевыми организациями план хлебозаготовок*»³⁰.

Резко выросли масштабы репрессий, которые затронули все категории сельских жителей – от единоличников и колхозников до районных функционеров. В докладной записке крайкома сообщалось, что в рамках мероприятий по «усилению» хлебозаготовок: а) «*применены меры репрессий в отношении районного руководства, допустившего провал хлебозаготовок (Сузунский, Седельниковский и Борисовский райкомы)*»; б) «*в отношении кулацких и зажиточных хозяйств применены меры репрессий в форме пятикратки и суда; отдано под суд 2652 кулацких хозяйства, оштрафовано 4296 хозяйств на сумму 713 081 р. (взыскано 181 044 рубля)*»; в) «*в отношении колхозов дана директива об усилении чистки от кулацких элементов и допускается применение экономических репрессий (лишение льгот, досрочное взыскание платежей), а также роспуска колхоза в исключительных случаях*» (см. Ч. I, док. № 4). 5 декабря И.В. Сталин и В.М. Молотов направили в крайкомы и обкомы ВКП(б) телеграмму, в которой предписывалось применять к колхозам, не выполнившим плана хлебозаготовок, принудительное изъятие имеющегося зерна, включая семенное, «*не останавливаясь перед продажей государству всех фондов таких колхозов*»³¹.

В этих условиях хлебозаготовки превратились в настоящий грабег деревни. И лишь в ноябре, когда большую часть хлеба у крестьян отобрали, годовой план был снижен до 65 млн пудов³². Однако и после его выполнения изъятие хлеба у колхозов продолжалось. 11 января 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало региональные парткомы после выпол-

нения годовых заготовительных заданий «*продолжать заготовки сверх плана*»³³. В ход шли навязываемые им «встречные планы». Годовой план хлебозаготовок по колхозному сектору был перевыполнен на 21%³⁴.

Уровень отчуждения зерна в 1931/32 г. в Западно-Сибирском крае в итоге составил 33,5% валового сбора (в 1930/31 г. – 25%)³⁵. Некоторые колхозы вынуждены были сдавать весь имеющийся у них хлеб. Секретарь Ключевского райкома ВКП(б) в письме в крайком сообщал: «*Дело с обеспечением колхозников продовольствием обстоит чрезвычайно напряженно. Незначительная часть – около 15% колхозников, которые обеспечены хлебом до нового урожая, до 50% колхозников продовольствием обеспечены на 2–3 м[еся]ца, остальные, свыше 35% колхозников, после распределения доходов остались без хлеба совершенно*». При этом «*расходная часть колхозов в два с лишним раза превышает их доходы, так что говорить о распределении денежной части среди колхозников совершенно не приходится*». Он также информировал краевые власти о том, что сформированный в районе семенной фонд составляет лишь 48% от необходимого (см. Ч. I, док. № 7).

Недостаток семян было решено частично компенсировать за счет крестьян. Власти недородных районов получили задание «*на основе широкой массовой работы среди колхозников и на добровольных началах*» осуществить сбор средств у колхозников на закупку семян в более благополучных районах. Естественно, что на местах добровольный сбор превратился в принудительный. Так, по сообщению бригады крайкома, обследовавшей Полтавский район, полученные из края «контрольные цифры» по мобилизации средств были разверстаны по колхозам, а затем по дворам. Полностью или частично отказавшихся от разверстки колхозников исключали из колхозов без постановления общего собрания и подвергали раскулачиванию³⁶.

В Восточной Сибири тяжесть податного обложения зернового хозяйства также существенно возросла. При практически неизменном валовом сборе объем хлебозаготовок в крае в 1931/32 г. увеличился на 25%³⁷.

В 1931/32 г. в регионе сохранялись высокие темпы убыли скота. Поголовье лошадей в Западно-Сибирском крае за 1931/32 учетный год сократилось на 27,6%, КРС – на 14,4, коров – на 13,7, овец и коз – на 30,5, свиней – на 21,7%. Увеличился отход рабочего и крупного рогатого скота в Восточно-Сибирском крае, где количество лошадей уменьшилось на 16,2%, КРС – на 17,8, коров – на 22,1%. Высокой оставалась убыль овец и коз (38,1%). В то же время численность свиней в Восточной Сибири за счет наращивания их поголовья в ЛПХ колхозников продолжала увеличиваться (см. Приложение 2, табл. 2.1).

Засуха осложнила кормовую проблему. Наряду с природно-климатическими, продолжали действовать и социальные факторы. Авторы докладной записки управления народнохозяйственного учета Западно-Сибирского крайисполкома от 21 марта 1932 г. особо отмечали следующие причины сверхнормативного отхода стада: «1) в недородной зоне при недостатке кормов население усиленно ликвидировало скот; 2) в районах пригородных, вообще в районах, тяготеющих к центрам стройки, население значительными массами уходило в центры этих строек, как и население из недородной полосы и 3) уходящее население, в том числе и часть колхозников, под влиянием кулацкой агитации проявило мелкобуржуазные тенденции в смысле отношения к таким элементам своего хозяйства, как животноводство, действуя в этих случаях по принципу: "Сначала ликвидирую скот, а затем ухожу в город"» (см. Ч. I, док. № 8).

Значительных размеров достигал падеж скота. К нему приводила бескормица и ранее невиданная бесхозяйственность. Очень много продуктивного скота было сдано в счет завышенных планов скотозаготовок. Сокращение поголовья привело к тому, что эти планы не выполнялись. Режим ответил репрессиями. Председатель Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинский лично отдавал приказания руководителям районов в случае срыва задания по заготовкам скота колхозами выполнить его за счет трудовых единоличных хозяйств и колхозников, не останавливаясь перед изъятием у них единственных коров³⁸. В результате властям Западно-Сибирского края удалось в условиях продолжающегося падения поголовья скота добиться повышения объемов заготовок по сравнению с предыдущим годом. В 1931 г. сдача мяса увеличилась на 28%³⁹. Часть скота была принудительно изъята у членов колхозов для укомплектования колхозных ферм в рамках проводимого в крае в сентябре-октябре 1931 г. месячника животноводства⁴⁰.

Ценой сверхнормативного изъятия хлеба и животноводческой продукции стал самый длительный и сильный за все 1930-е гг. голод в наиболее неурожайных и пострадавших от хлебо- и мясозаготовок южных районах Западной Сибири. В этих районах люди поедали суррогаты, водоросли, перезимовавшее под снегом зерно-падальицу, лебеду, собак. Во многих деревнях отсутствовали даже суррогаты. В пищу шли трупы павших животных. Зафиксированы случаи самоубийств на почве голода, некрофагии и каннибализма. Кризисная ситуация усугублялась тем, что в ощущающие острую нехватку продовольствия юго-западные районы Сибири, спасаясь от голодомора и коллективизации, мигрировали десятки тысяч кочевников из Казахстана⁴¹. Ослабленный человеческий организм не в силах был сопротивляться напору эпидемий. Голод сопровождался массовой вспышкой инфекционных заболеваний: септи-

ческой ангиной, тифом, желудочно-кишечными болезнями. Тысячи крестьян погибли непосредственно от голода. Резко возросла смертность населения⁴².

Очагом массового голода в конце 1931 г. стали многие районы Центрального и Южного Зауралья, также пострадавшие от засухи⁴³. Для более «благополучных» сельских районов Сибири была характерна латентная форма голода. Большинство их жителей питались главным образом картошкой и низкокачественным хлебом, объемы потребляемого не обеспечивали физиологического минимума.

Начавшийся голод, в свою очередь, вынуждал крестьян к забое даже необходимых в хозяйстве животных. Под нож, как всегда в подобных условиях, в первую очередь шел мелкий скот, затем следовал молодняк КРС и в самом крайнем случае – коровы. По данным Западно-Сибирского УНХУ, на т.н. внеплановый убой приходилось 70,4% зафиксированной убыли свиней, 59,7% овец. В то же время основной причиной сокращения поголовья КРС стали плановые заготовки – 54,8% (см. Ч. I, док. № 8). В ряде колхозов происходил убой не только продуктивного, но и рабочего скота.

Массовые отказы ограбленных и голодающих колхозников от выхода на работу, их бегство из деревни, нехватка семян, убыль и истощенность тягловой силы, которую не могли компенсировать машины МТС, негативно сказались на результатах весенней посевной кампании 1932 г. В Западно-Сибирском крае, по данным ЦУНХУ, посевные площади уменьшились по сравнению с предыдущим годом на 11%, посевы зерновых – на 15%. В более благополучном Восточно-Сибирском крае, несмотря на увеличение уровня коллективизации, прирост посевной площади составил всего лишь 3% (см. Приложение 1, табл. 1.1).

6 мая 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление, в котором было публично заявлено о сокращении заготовительного плана 1932 г. по колхозно-крестьянскому сектору. Годовое задание надлежало выполнить не позднее 1 января 1933 г., а затем до 15 января завершить образование семенных фондов колхозов. После этого разрешалось *«предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базах, рынках, так и в своих колхозных лавках»*⁴⁴.

Летом 1932 г. Центр осудил приобретенные широкий размах самочинные антикрестьянские репрессии со стороны сельских функционеров. ЦИК и СНК СССР в постановлении от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» констатировали *«наличие все еще значительного числа нарушений»* революционной законности со стороны должностных лиц *«и искривлений на практике ее проведения, особенно в деревне»* и потребовали *«скорейшей»* проверки заявлений о фактах нарушений зако-

нодательства должностными лицами, отмены незаконных штрафов, взысканных во время весенней посевной кампании с колхозников и середняцких единоличных хозяйств, а также их раскулачивания, привлечения к «строжайшей» ответственности виновных в проводившихся вне законодательных рамок арестов, обысков и конфискации имущества⁴⁵.

Заявления о сокращении задания по хлебосдаче и снижении масштабов репрессий оказались лишь декларацией. Хлебозаготовительная кампания 1932/33 г. стала самой драконовской за всю советскую историю и вызвала массовый голод, в ряде регионов страны переходящий в голодомор. В Западно-Сибирском крае годовое заготовительное задание по колхозно-крестьянскому сектору по сравнению с 1931/32 г. было увеличено с 53,4 до 62 млн пудов. Всего же в крае в кампанию 1932 г., с учетом возврата продовольственных и семенных ссуд, гарнцевого сбора и хлебосдачи совхозов, нужно было заготовить 92,1 млн пудов зерна (фактическая заготовка 1931/32 г. составляла 65,4 млн пудов, 1930/31 г. – 81,5 млн пудов). При этом валовой сбор 1932 г. был ниже, чем в 1930 г., на 23%. Используя административный нажим и прямые репрессии, властям края удалось выжать из деревни запланированные объемы хлеба. Соответственно вырос и уровень изъятия, достигнув 36% от валового сбора. В Восточной Сибири уровень изъятия, хотя и несколько снизился, тем не менее, составлял 30%, что существенно превышало показатели доколхозной деревни⁴⁶. После этого в колхозах практически отсутствовали излишки для торговли зерном на базарах. Голод в регионе, который приобрел преимущественно очаговый и латентный характер, продолжался вплоть до лета 1933 г.

Резкое ухудшение материального положения колхозников повлияло на динамику колхозного строительства. Темпы коллективизации резко упали уже осенью 1931 г. С 1 сентября по 31 декабря ее уровень в Западно-Сибирском крае вырос на 4,4 п.п., в Восточно-Сибирском – на 3,8 п.п. Единоличники не хотели идти в колхозы, продовольственное положение в которых было хуже, чем в единоличной деревне, а колхозы не хотели принимать новых членов, поскольку это увеличивало налогово-податную нагрузку. Заготовительные задания бывших единоличников возлагались на колхозы, в которые они вступили.

С начала 1932 г. число крестьян, вышедших из колхозов, стало превышать число вступивших. В Западно-Сибирском крае уровень коллективизации за первое полугодие снизился с 60,7 до 58,1%. Число колхозных дворов с 1 января по 1 июля уменьшилось с 755,5 тыс. до 726,5 тыс. Во втором полугодии темпы коллективизации в крае незначительно увеличились, достигнув 62,0% на 1 октября и 63,2% на 31 декабря. В Восточно-Сибирском крае уровень коллективизации с 1 января 1932 г. по 1 января 1933 г. снизился на 6,3 п.п. (с 55,9 до 49,6%). Число колхоз-

ных дворов за это время сократилось с 236,5 тыс. до 210 тыс. За 1931–1932 гг. сельское население Западной Сибири уменьшилось на 12,4%, Восточной Сибири – на 4,6%⁴⁷. Таким образом, сибирским властям не удалось выполнить поставленную ЦК ВКП(б) в начале августа 1931 г. задачу «*в основном*» завершить коллективизацию в регионе в 1932 г.⁴⁸

Десятки тысяч крестьян (колхозников и единоличников) бежали от голода в города и рабочие поселки. По данным Западно-Сибирского краевого УНХУ, население в 104 основных сельскохозяйственных районах края с 1 июня 1931 г. по 15 февраля 1932 г. сократилось на 15,9%. Его максимальная убыль была зафиксирована в недородных, а также близких к крупным городам и индустриальным стройкам. В недородных Хабаровском, Полтавском и Черлакском районах она составляла 26,5, 26,6 и 29,8% соответственно, в пригородных – Ново-Омском и Новосибирском – 30,1 и 37,2% (см. Ч. I, док. № 8).

В это число не вошли крестьяне, находившиеся во временном отходе. В докладной записке уполномоченного Трактороцентра по Западно-Сибирскому краю сообщалось, что в ряде колхозов «*самотечное неорганизованное отходничество*» достигает 30–50% населения (см. Ч. I, док. № 6). В колхозе «Имени 14 лет Октября» (с. Коурак Тогучинского района) в начале лета 1932 г. из 500 трудоспособных колхозников свыше трехсот находилось в отходе (см. Ч. I, док. № 10). Естественно, что временный отход имел тенденцию к превращению в постоянный.

Чтобы не допустить дальнейшего сокращения трудовых ресурсов в сельском хозяйстве и ограничить приток голодающих жителей села в промышленные центры, в декабре 1932 г. в СССР была введена паспортная система, составной частью которой являлась обязательная прописка по постоянному месту жительства. Крестьянам (за исключением жителей пограничных районов) паспорта не выдавались, а покинуть колхоз они могли только по разрешению местной администрации⁴⁹.

Снижение темпов коллективизации привело к тому, что ускорившееся в первой половине 1931 г. сокращение численности единоличного крестьянства во второй половине года и в 1932 г. затормозилось. При этом произошло обвальное падение имущественной состоятельности единоличников. В Западно-Сибирском крае за 1931/32 учетный год их обеспеченность посевом сократилась в 2,1, рабочим скотом – в 1,5, КРС – в 1,8, овцами и козами – в 2,7 раза. На 100 хозяйств в среднем приходилось 104 га посев, 67 голов рабочего скота, 52 головы КРС, 53 головы овец и коз. Треть единоличных дворов не имела лошадей, а половина – КРС⁵⁰. Социальную мобильность единоличного крестьянства в 1932 г. можно определить уже не как обеднячивание, а как начавшееся его обнищание (пауперизацию).

На 1 июля 1932 г. в Западно-Сибирском крае в хозяйствах, официально отнесенных к единоличным, содержалось 14,7% КРС, 19,5% коров, 12,4% овец, 14,6% свиней. По данным налогового учета, им принадлежало немногим более четверти рабочих лошадей. Доля единоличного посева в общей посевной площади составляла 8,1%⁵¹. Удельный вес единоличного сектора экономики в менее коллективизированной Восточной Сибири был выше, чем в Западной, достигая, по данным И.С. Степичева, по посевным площадям 18,6%, по рабочему скоту – 41,1, по КРС – 43,0%⁵².

Личное хозяйство колхозников в 1931–1932 гг. развивалось достаточно противоречиво. Рост числа колхозных дворов приводил к увеличению численности содержащегося в них скота, а также удельного веса ЛПХ в поголовье сельскохозяйственных животных. Уменьшалась доля колхозных семей, вообще не ведущих приусадебное хозяйство. В 1930 г. таких в Западно-Сибирском крае насчитывалось 68,4%, в 1931 г. – 22,1, в 1932 г. – 11,0%⁵³. Это было связано со снижением доли коммун в числе коллективных хозяйств и сокращением уровня «обобществления» скота в сельхозартелях. В то же время нормы Примерного устава соблюдались далеко не во всех из них. Как указывалось выше, с осени 1931 г. вновь стало практиковаться принудительное изъятие скота (не только крупного, но и мелкого), находящегося в собственности колхозников. Значительное количество животных члены колхозов были вынуждены сдавать государству в счет мясопоставок или забивать для собственного потребления, чтобы не погибнуть от голода. Кроме того, снижалось количество и удельный вес ТОЗов. Подобные факторы приводили к сокращению средних размеров ЛПХ.

Для улучшения материального положения колхозников ЦК ВКП(б) 26 марта 1932 г. принял специальное постановление, в котором осудил практику принудительного обобществления скота колхозников, включая единственную корову (*«только враги колхозов могут допускать принудительное обобществление коров и мелкого скота»*), и призвал местные власти оказать членам колхозов, не имеющим коров или мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка⁵⁴. Однако ситуация в лучшую сторону практически не изменилась. Местные власти фактически игнорировали призыв о помощи личным хозяйствам колхозников. Летом 1932 г. в Западной Сибири на сто семей, таковое имеющих, по данным налогового учета, приходилось 15 га приусадебного посева, 10 рабочих лошадей, 79 голов КРС, 75 овец и коз. Каждая четвертая колхозная семья в регионе не имела скота, каждая третья – крупного рогатого скота. Основной кормилицы-коровы не было в 2/5 дворов. На 1 июля 1932 г. в Западно-Сибирском крае в ЛПХ колхозников содержалось 22,3% КРС, 30,3% коров, 22,9% овец, 14,9% свиней⁵⁵.

Доля ЛПХ колхозников в общей посевной площади в крае составляла 1,1%⁵⁶.

Осенью и зимой 1932 –1933 г. в условиях обострения продовольственного положения значительная часть личного скота была пущена под нож. Проведенный в 1933 г. налоговый учет зафиксировал снижение средней обеспеченности КРС ста колхозных семей Западно-Сибирского края по сравнению с предыдущим годом с 79 до 70 голов, овцами и козами – с 75 до 65 голов⁵⁷.

Данные о приусадебных хозяйствах рабочих и служащих, в т.ч. проживающих в городской местности, выявлены нами только применительно к территории, вошедшей в 1937 г. в Новосибирскую область. Удельный вес данной категории владельцев в общем поголовье КРС в 1932 г. составлял 2,9%, коров – 4,9, овец и коз – 0,3, свиней – 0,5%⁵⁸. К обзаведению скотом рабочих и служащих побуждала нехватка продовольствия. В то же время наличие в хозяйстве продуктивного или рабочего скота могло обернуться его квалификацией как единоличного со всеми вытекающими отсюда фискальными последствиями.

К середине 1931 г. базовой формой организации сельскохозяйственного производства в Сибири стали колхозы. Их число с июня 1930 г. по июнь 1931 г. в Западно-Сибирском крае увеличилось с 5,5 тыс. до 14,1 тыс., в Восточно-Сибирском – с 2,3 тыс. до 5,4 тыс. Со второй половины 1931 г. количество колхозов стало уменьшаться, составив на 1 января 1932 г. в Западно-Сибирском крае – 12,6 тыс., в Восточном Сибирском – 5,8 тыс.; на 1 января 1933 г. – 10,9 и 5,1 тыс. соответственно⁵⁹. Основной причиной сокращения числа хозяйств стало их укрупнение за счет слияния мелких колхозов. Часть колхозов была ликвидирована в связи с выходом из них абсолютно большей части членов.

Основной формой нового колхозного строительства стали сельхозартели. На их устав также переводились еще существующие коммуны. В Западно-Сибирском крае удельный вес коммун в общем числе колхозов составлял на 1 июля 1930 г. 31,8%, на 1 июня 1931 г. – 7,3, на 1 июня 1932 г. – 2,1%, в Восточно-Сибирском крае – соответственно 41,0, 13,4 и 7,9%. Доля ТОЗов, несколько увеличившись к середине 1931 г. (с 5,8 и 3,0% до 6,0 и 8,6%), к началу июня 1932 г. вновь снизилась (до 1,0 и 3,8%)⁶⁰. На один колхоз в Западно-Сибирском крае в среднем приходилось 60 крестьянских дворов, 408 га посевных площадей, 82,5 голывы лошадей, 98,9 – КРС, 37,6 – коров, 115,2 – овец и коз, 15,4 – свиней. В Восточной Сибири размеры колхозов были меньше: 44 двора и 254 га «обобщественного» посева на 1 июля 1932 г.⁶¹

Колхозы заняли ведущее место в производстве сельскохозяйственной продукции. В Западно-Сибирском крае в январе 1932 г. их удельный вес в поголовье лошадей составлял 59,9%, КРС – 49,4, коров – 30,8,

овец и коз – 54,8, свиней – 48,2%⁶². В 1932 г. на долю колхозов в Западно-Сибирском крае приходилось 73% посевных площадей, в Восточно-Сибирском – 64% (см. Приложение 1, табл. 1.3).

Дальнейшее развитие получила бригадная форма организации колхозного производства. На весеннем севе 1931 г. бригады были образованы в 77% колхозов Западно-Сибирского края. Большинство из них по-прежнему оставались сезонными. Рабочий скот во время весеннего сева в 36,4% хозяйств закреплялся побригадно, в 15,6% – за группами колхозников, в 37,7% – за отдельными колхозниками и в 10,3% хозяйствах не был закреплен⁶³. 4 февраля 1932 г. ЦК ВКП(б) рекомендовал создать во всех колхозах бригады с постоянным составом *«с тем, чтобы, как правило, такие бригады производили все основные сельскохозяйственные работы на протяжении всего года на определенных участках»*⁶⁴. По официальным данным, к началу 1932 г. постоянные производственные бригады были созданы в 62% колхозов Западной Сибири⁶⁵. Однако многие из них значились лишь на бумаге.

Все большая часть скота переводилась на товарные фермы. В июле 1931 г. МТФ имели 10,8% колхозов Западно-Сибирского края и 2,5% колхозов Восточно-Сибирского края. Через год эти показатели выросли до 34,7 и 28,3% соответственно⁶⁶. На 1 июля 1932 г. на товарных фермах в Западной Сибири содержалось 83% колхозного поголовья КРС, 89,2% коров, 71,4% свиней, 23,5% овец, в Восточной Сибири – 48,4, 52,4, 40,8 и 33,6% соответственно (см. Приложение 2, табл. 2.2).

Уравнительное распределение доходов в колхозах заменялось индивидуальной сдельщиной. Наиболее целесообразной формой оценки затрат труда и долевого участия в распределении доходов признавались трудодни, в которых в соответствии с установленными нормативами оценивался каждый вид выполняемых колхозниками работ. При этом распределение в колхозах строилось по остаточному принципу. В качестве оплаты за работу выдавалась продукция (главным образом, зерно), оставшаяся в хозяйстве после выполнения государственных заготовительных планов и создания семенных, фуражных и продовольственных фондов, а также часть полученных хозяйством денежных доходов. Действовавший порядок связывал размеры оплаты с конечными результатами производственной деятельности хозяйства в целом. Вместе с тем низкий общий размер доходов большинства колхозов не обеспечивал выделения достаточных средств на оплату труда. Заработок колхозников определялся только в конце года, а авансирование в течение года проводилось крайне нерегулярно. Сверхнормативное изъятие произведенной продукции приводило к минимизации размеров выдачи на трудодень. Нередко случалось и так, что получать в конце года членам колхоза было нечего. Следует также отметить, что трудодень в качестве

меры затрат труда рядовых колхозников на производстве начислялся прежде всего за время, проведенное на работе, а не за ее качество и результаты.

Постоянно увеличивалось число МТС и принадлежащий им тракторный парк. В начале лета 1931 г. в Западно-Сибирском крае функционировали 75 машинно-тракторных станций, в конце года – 87, в конце 1932 г. – 158, в Восточно-Сибирском – 11, 18 и 64 соответственно. Количество тракторов в них за 1931–1932 гг. увеличилось в Западной Сибири с 2087 до 5765, в Восточной Сибири – с 348 до 1295; грузовых автомобилей за 1932 г. – с 97 до 459 и с 7 до 31 соответственно. В 1932 г. в МТС Западной Сибири появились первые зерноуборочные комбайны. К 1 января 1933 г. их количество достигло 251. В МТС Восточной Сибири комбайнов в начале 1930-х гг. не было. Летом 1932 г. МТС обслуживали 26,2% колхозов Западной и 22,2% Восточной Сибири. В Западно-Сибирском крае в колхозах, обслуживаемых МТС, в 1932 г. тракторами вспахали 57,3% обработанной площади, засеяли – 22%⁶⁷.

Качество работ МТС было низким. Частыми были поломки тракторов. Запчастей и материалов для ремонта не хватало. Ощущался хронический дефицит как специалистов, так и работников массовых профессий, включая трактористов. Трактористы и комбайнеры проходили обучение на краткосрочных курсах, получая лишь минимум необходимых знаний и практических навыков. Низкая зарплата механизаторов, которая в начале 1930-х гг. так же, как и у колхозников, не была гарантированной, вызывала значительную текучесть данной категории работников. Уполномоченный Трактороцентра по Западно-Сибирскому краю сообщал, что ситуацию резко ухудшил недород. *«Лишь только определились виды, что будет плохой урожай, среди трактористов произошло падение трудовой дисциплины, значительно усилился уход, что привело во многих местах к обновлению состава на 75–80% за счет ухудшения качества»* (см. Ч. I, док. № 6).

В регионе продолжалось совхозное строительство. В конце 1931 г. в Сибири в состав крупных совхозных трестов входил 151 совхоз: в Западно-Сибирском крае – 19 зерновых, 71 мясомолочных, 18 свиноводческих и 12 овцеводческих, в Восточно-Сибирском – соответственно 4, 7, 12 и 8. Совхозы имели относительно высокий уровень механизации. В 1932 г. в Западной Сибири в них было сосредоточено более чем две пятых тракторного парка и четыре пятых зерноуборочных комбайнов. Удельный вес тракторной вспашки в этом году в совхозах составлял в крае 84,4%. В зерносовхозах комбайнами было убрано 16% ранних зерновых⁶⁸. В Западно-Сибирском крае в январе 1932 г. удельный вес совхозов в посевной площади составлял 18,7%, поголовье лошадей – 3,8, КРС – 16,1, коров – 12,0, овец и коз – 14,8, свиней – 16,5%⁶⁹. Управле-

ние совхозами затрудняли их гигантские размеры. Некоторые хозяйства располагались на территории 4–5 административных районов. В 1932 г. началось их разукрупнение. Была также изменена специализация нескольких зерносовхозов.

В конце 1932 г. в СССР была проведена перестройка системы управления сельским хозяйством. 1 октября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление⁷⁰ о передаче ранее подчиненных Наркомату земледелия СССР трестов зерновых и животноводческих совхозов под управление созданного тем же постановлением Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР⁷¹. В связи с этим Наркомзему предлагалось *«сосредоточить работу всей системы земельных органов (МТС, райЗО) главным образом на обслуживании и руководстве колхозами»*. Реорганизации подлежал и порядок управления машинно-тракторными станциями. Вместо единого Трактороцентра в Наркомземе СССР создавались специализированные Трактороцентры: зерновой, свекловичный, льняной, овоще-картофельный, машинно-сенокосный с соответствующими органами на местах⁷². В декабре 1932 г. были ликвидированы Колхозцентр, а также региональные и районные колхозсоюзы. Их функции передавались Наркомату земледелия СССР и его органам⁷³.

Несмотря на попытки наладить организацию труда в хозяйствах т.н. социалистического сектора, его производительность оказалась существенно ниже ожидаемой. По показателям урожайности и продуктивности скота они уступали единоличным крестьянским хозяйствам. Постоянным спутником колхозно-совхозной системы являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Крайне низкими были трудовая дисциплина и качество выполняемых работ. Значительных размеров достигали потери урожая. Стимулы для борьбы с ними отсутствовали, скорее наоборот, брошенное на поле зерно можно было собрать позже и получить на этом больше хлеба, чем выдавалось на трудодни.

Заместитель уполномоченного Трактороцентра по Западно-Сибирскому краю И.Е. Коваленко, инспектирующий Тогучинский район, так описывал организацию труда во время весеннего сева 1932 г. в колхозе «Имени 14 лет Октября»: *«На поле творится невероятное безобразие. Было организовано несколько бригад – они ликвидировались, осталась одна. В использовании лошадей, сбруи, инвентаря – полная обезличка со всеми отвратительными ее последствиями – систематической руганью между собой колхозников, утерей сбруи, отсутствием дисциплины»* (см. Ч. I, док № 10).

Падение зернового производства стало следствием не только низкой производительности труда колхозников, но и полного забвения агротехнических основ земледелия. Для колхозного полеводства были характерны плохая обработка почвы, несвоевременный посев, низкое каче-

ство семян, засорение полей, сокращение парового клина и зяблевой вспашки, отсутствие удобрений.

Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. Севообороты в хозяйствах не внедрялись, агротехника при обработке почвы не соблюдалась. Многократные посевы пшеницы по пшенице приводили к прогрессирующему снижению урожайности. Надой молока на одну корову в совхозах Западно-Сибирского края в 1932 г. был на 25% ниже, чем в колхозах⁷⁴. Низкая продуктивность и высокий процент падежа являлись следствием недостатка кормов, животноводческих помещений, плохого ухода за скотом, нехватки квалифицированных кадров и отсутствия опыта у работников совхозов. Члены комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), в 1932 г. обследовавшие животноводческие совхозы, констатировали, что в них *«не соблюдаются простые, элементарные, известные каждому крестьянину, правила ухода за скотом»*⁷⁵.

Типичная картина состояния животноводства в хозяйствах «социалистического» сектора отображена в информации руководства Татарского района в Западно-Сибирский крайисполком от 15 марта 1932 г. В документе приводятся следующие примеры содержания животных в колхозах и совхозах: *«непролазная грязь»*; *«коровы подстилок почти никакой не имеют»*; *«скот весь закарюз в навозе»*; *«холодно»*; *«дворы не дооборудованы»*; *«вентиляция отсутствует, в силу чего у ряда коров уже вылезает шерсть и заводится вошь»*; *«коровы в большинстве своем во время дойки не поднимаются»*; *«норма кормления снижена до минимума, т.е. до 8 кг в сутки, в силу чего скот в родильном уже не поднимается»*; *«концентрированные корма расхищаются»*; *«скот в большинстве своем поится один раз в день»*; *«подходы скота к водопою никогда не очищаются»*; *«скот выпускается большими партиями, без предварительной наливки воды в колоды, в силу чего получается большая давка скота»*⁷⁶.

Сравнивая ситуацию в «общественном» и индивидуальном секторах сельского хозяйства в Тогучинском районе, И.Е. Коваленко писал: *«В отношении животноводства сами колхозницы заявили, что уход отвратительный, и что если сравнить, то одиноличные коровы уже на подножном корму, великолепно подкормились, а обобщественные ходят, как неживые»* (см. Ч. I, док. № 10).

Известный историк-аграрник В.В. Кондрашин определил подобное поведение колхозников, как «итальянскую забастовку»⁷⁷. И это была естественная реакция людей, практически ничего за свой труд в колхозах не получающих. Широкое распространение в деревне получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Для того чтобы спа-

сти себя и свои семьи от голода, сельские жители пытались похитить зерно везде, где отсутствовала охрана, выкашивая его на полях, собирая на стерне, забирая из скирд, возков, токов и амбаров. Широкое распространение получило т.н. «колосование», когда сельские жители по ночам ножницами, серпами и косами срезали колосья созревшего хлеба. Массовый характер приобрело хищение скота. В ряде случаев колхозники прибегали к открытому несанкционированному изъятию колхозного имущества. Подобный пример привел секретарь Ключевского райкома ВКП(б) в письме в крайком: *«В арт[ели имени] Молотова <...> 27/ХП-31 г. собралась группа женщин в колич[естве] 10 чел., пришли в контору колхоза, потребовали от правления дать им хлеба, мотивируя, что дети погибают от голода. Правление ответило, что хлеба нет, тогда эта группа женщин пошла самовольно на скотный двор, взяли 10 телят, зашли в столовую колхоза, взяли несколько ковриг печеного хлеба и отправились по домам»* (см. Ч. I, док. № 7). Уполномоченный Трактороцентра по Западно-Сибирскому краю зафиксировал *«самотечный захват лошадей из колхозов и отъезд на них»* (см. Ч. I, док. № 6).

Во многих случаях забастовки колхозников («волынки», по определению властей) имели открытый характер. Упомянутый выше уполномоченный Трактороцентра сообщал, что в колхозах *«имеются такие факты, как отказ всех колхозников животноводческих колхозов выходить на работу, пока не снабдят колхоз хлебом, с заявлением: пусть лучше скотдохнет (Татарская [МТС]), организованное хождение в с[ель]совет группы колхозников с требованием снабжения хлебом ([колхоз] "Победим капитализм" – Тальменская МТС), требование распределения на продовольствие семян»*. Им же абсолютно точно определены причины подобных явлений: *«В целом ряде колхозов МТС под влиянием недородов, распределения доходов по 1,5 коп. на трудодень (Калачинск) понижен произв[одительный] стимул колхозников, во многих местах имеется падение трудовой дисциплины»* (там же).

Вполне естественное нежелание живущих впроголодь колхозников трудиться «за палочки», низкое качество работы, бесхозяйственность, хищения квалифицировались властями как проявление классовой борьбы и кулацкого саботажа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, крестьяне, срезающие колосья, в советской прессе получили ярлык «кулацких парикмахеров». Следует отметить, что хищениями «общественной» собственности определялись не только случаи тайного или открытого несанкционированного присвоения колхозного имущества, но и раздача колхозникам по решению общих собраний, правлений и председателей продовольствия до выполнения заготовительных заданий.

На предотвращение подобных явлений было направлено принятое 7 августа 1932 г. постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», которое предусматривало лишь два вида наказания для расхитителей: расстрел или 10 и более лет лишения свободы при смягчающих обстоятельствах. При любом приговоре все имущество подлежало конфискации. Постановление имело обратную силу, отрицало возможность амнистии осужденных и не определяло каких-либо количественных параметров, по достижении которых следовало уголовное преследование. Приговор мог быть вынесен за хищение нескольких колосков. Отсюда более известное в народе название постановления – «закон о колосках»⁷⁸.

По данному закону к суду привлекались не только прямые расхитители. В Принятом ЦИК СССР в январе 1933 г. постановлении «Об укреплении колхозов» указывалось, что *«всякий обман в деле учета колхозного имущества, колхозного труда и колхозного урожая должен рассматриваться как пособничество кулаку и антисоветском элементам, как попытка расхищения колхозного имущества, ввиду чего должен караться по закону об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности от 7 август 1932 г.»*⁷⁹.

Таким образом, в качестве основного метода «социалистического перевоспитания» крестьянства большевистский режим избрал административное принуждение, прямые репрессии и даже голод.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 233.

² Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. (1927–1937 гг.): Сб. документов. Томск, 1972. С. 17.

³ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 21.

⁴ Там же. С. 36–38.

⁵ Там же. С. 22, 49.

⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. С. 17, 38, 58, 60, 67, 70.

⁷ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 95–96.

⁸ Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск. 1996. С. 111, 113, 114; История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Иркутск, 1979. С. 163.

⁹ «Сбор с лиц, лишенных прав быть сельскими исполнителями», относился к числу местных налогов и сборов и взимался с жителей деревни, которые были

лишены избирательных прав, в т.ч. и по «кулацким» признакам, и в связи с этим не могли быть избраны сельсполнителями. В 1929 г. размер сбора в Сибирском крае составлял 10% оклада сельхозналога (Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Сб. документов. Новосибирск, 2009. С. 404).

¹⁰ С 1929 г. мужчины призывного возраста из кулацких семей, которые не служили в специально созданных для лиц, лишенных избирательных прав, частях тылового ополчения, привлекались к уплате «специального» военного налога с граждан, зачисленных в тыловое ополчение. Платился он после наступления призывного возраста ежегодно в течение пяти лет в сумме 50% оклада сельхозналога для членов хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, и 30% оклада – для других категорий «лишенцев». Затем налог вносился по истечении каждого последующего шестилетия приписки (Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 19).

¹¹ Ильиных В.А. Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х – 1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 345, 346.

¹² Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 73.

¹³ Ч. I, док. № 4. В 1929 г. в сопоставимых территориальных рамках «твердые» задания получили 93,8 тыс. хозяйств, или 7,3% от их общего количества (там же).

¹⁴ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 308.

¹⁵ Ч. I, док. № 5; ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23, 28; Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 139, 184–185.

¹⁶ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 88–90, 94–95.

¹⁷ Так, например, в справке Запсибкрайснаботдела о предварительных итогах доведения планов хлебосдачи 1932 г. сообщалось, что власти 11 районов края добавили к плану централизованных заготовок «страховку от 2 до 4-х процентов» (ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1837. Л. 6).

¹⁸ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. С. 97, 98.

¹⁹ ГАНУ. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 223. Л. 16–25.

²⁰ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 234.

²¹ Советская Сибирь. 1931. 17 янв.; История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири. С. 179. В Западно-Сибирском крае единоличники выполнили разверстанный на них план весеннего сева на 46%, колхозы – на 94%, совхозы на – 110%.

²² В Западно-Сибирском крае план осеннего сева зерновых был выполнен всего лишь наполовину. Провал кампании в первую очередь был связан с сокращением размеров посева единоличниками, неудовлетворительной организацией труда в колхозах и недостатком семян. В итоге осенью 1930 г. озимых в крае посеяли на 29,4% меньше, чем в предыдущем. Сокращение посева озимых

в Восточно-Сибирском крае составило 15,6% (ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 2. Д. 31. Л. 81; Приложение 1, табл. 1.1).

²³ Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 287, 302, 307, 312, 366, 388, 448.

²⁴ Средняя урожайность зерновых в Западной Сибири в 1930 г. составляла 9,4 ц/га, существенно превосходя средние показатели предыдущего десятилетия. Несмотря на 20%-ное снижение посевных площадей зерна, в этом году в регионе его было собрано на 3,6% больше, чем в предыдущем (Там же. С. 270; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 99, 458).

²⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 24.

²⁶ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 458.

²⁷ Валовой сбор зерновых на территории Западно-Сибирского края в 1929 г. составил 52 274,8 тыс. ц, а средняя урожайность – 4,3 ц/га, в 1930 г. – соответственно 54 162,0 тыс. ц и 9,4 ц/га (Сельское хозяйство СССР. С. 270; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 458).

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1409. Оп. 1. Д. 45. Л. 2; Ежегодник хлебооборота. М., 1932. № 4: за 1929/30 и 1930/31 г. С. 96.

²⁹ Советская Сибирь. 1931. 21 окт.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: конец 1930 – 1933. С. 198.

³⁰ ГАНО, ф. П-3, оп. 4, д. 129, л. 38. Лачков в письме в крайком указал на то, что валовой сбор зерна в районе на 14,7% меньше возложенного на него заготовительного задания (без учета гарнцевого сбора). 9 октября 1931 г. бюро райкома предложило райколхозсоюзу и МТС не брать с колхозов более 1/3 от общего объема собранного ими хлеба (Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 182). Следует отметить, что определенный райкомом лимит хлебодачи соответствовал действующей в 1930/31 г. норме, в согласии с которой колхозы зернопроизводящих районов, включая Сибирь, должны были сдавать государству от 1/4 до 1/3 валового сбора. Данная норма была введена весной 1930 г. Наркомземом СССР и Колхозцентром и утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) (Там же. С. 25). Однако обращение к ней осенью того же года было квалифицировано как следование *«кулацкой программе срыва хлебозаготовок»*.

³¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 84.

³² Заготовительный план по совхозному сектору сократился на 38,9%, по колхозам, обслуживаемым МТС, – на 29,2, по прочим колхозам – на 34,4%. Меньше всего снизился план по единоличному сектору – всего на 4%, с 323 тыс. т до 309,9 тыс. т (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 228; Д. 150. Л. 109).

³³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 253.

³⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 246. Выполнение годового плана совхозами составило 99,8%, единоличным сектором – 70,6%.

³⁵ Сельское хозяйство СССР. С. 270; Ежегодник хлебооборота. № 4. С. 96; Ежегодник хлебооборота за 1931–32, 1932–33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. Л. 7.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 3. Л. 52–53.

³⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 228; Сельское хозяйство СССР. С. 270; Ежегодник хлебооборота. № 4. С. 96; Ежегодник хлебооборота за 1931–32... Л. 7.

³⁸ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 57.

³⁹ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 465.

⁴⁰ Советская Сибирь. 1931. 12 сент.; ГАНО. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 62.

⁴¹ См.: Малышева М.П., Познанский В.С. Казахи – беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). Алматы, 1999.

⁴² См.: Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск, 2007. С. 226–2384; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 83–99.

⁴³ См.: Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. С. 566–572.

⁴⁴ СЗ СССР. 1932. № 31. Ст. 190.

⁴⁵ Советская Сибирь. 1932. 28 июня.

⁴⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 228; Оп. 5. Д. 222. Л. 39; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 472; Ежегодник хлебооборота. № 4. С. 96; Ежегодник хлебооборота за 1931–32... Л. 7; Сельское хозяйство СССР. С. 270; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 246.

⁴⁷ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 319, 322; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. С. 196.

⁴⁸ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 338. ЦК ВКП(б) разъяснило, что *«мерилом завершения коллективизации в основном»* является *«вовлечение в колхозы не менее 68–70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75–80% посевных площадей крестьянских хозяйств»* (Там же. С. 337).

⁴⁹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 58.

⁵⁰ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 21, 23.

⁵¹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Новосибирск, 2008. С. 167–168; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1356. Л. 67.

⁵² Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне. Иркутск, 1966. С. 602.

⁵³ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 54.

⁵⁴ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 406.

⁵⁵ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 54, 55; Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. С. 167.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1356. Л. 67. Данные приведены в границах 1936 г.

⁵⁷ Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 54.

⁵⁸ Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 227–229.

⁵⁹ Народное хозяйство СССР: Стат. справочник 1932. М., 1932. С. 134; Экономико-статистический справочник... С 93; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 319.

⁶⁰ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 318; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 320.

⁶¹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 22; Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 6.

⁶² ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23.

⁶³ Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. С. 193.

⁶⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 годы. С. 381.

⁶⁵ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 326.

⁶⁶ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 235; Сельское хозяйство СССР. С. 539.

⁶⁷ Сельское хозяйство СССР. С. 659, 677, 684, 686; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 336.

⁶⁸ Сельское хозяйство СССР. С. 731, 788, 894, 969; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 385, 407.

⁶⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23.

⁷⁰ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 435.

⁷¹ На 1 января 1933 г. в Сибири в целом Наркомату зерновых и животноводческих совхозов подчинялись 36 зерновых, 210 мясомолочных, 53 свиноводческих, 23 овцеводческих совхозов. Помимо хозяйств, входящих в систему Наркомсовхозов (т.н. трестированных совхозов), в регионе функционировали более мелкие совхозы, подчиненные другим ведомствам. В начале 1933 г. в Сибири насчитывалось 8 семеноводческих, 5 льноводческих, 5 коневодческих совхозов НКЗ СССР, 9 свекловичных и 1 махорочный совхозов Наркомпищепрома (Сельское хозяйство СССР. С. 788, 899, 969, 1031, 1082, 1128, 1296).

⁷² В 1934 г. специализированные Трактороцентры в Наркомзем СССР, республиках, краях и областях были ликвидированы. Вместо них в НКЗ СССР учреждались специализированные главные управления, на которые возлагались функции по управлению машинно-тракторным хозяйством и агро-полеводческому обслуживанию выращивания соответствующих культур. Специализированные управления (зерновое, свекловичное, льно-коноплеводное, овощекартофельное и др.) создавались в краевых и областных земельных управлениях и отделах (СЗ СССР. 1934. № 18. Ст. 246).

⁷³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 890.

⁷⁴ Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.). Новосибирск, 1934. С. 64.

⁷⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

⁷⁶ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1685. Л. 15.

⁷⁷ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов. С. 117.

⁷⁸ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

⁷⁹ Правда. 1933. 31 янв.